

Валентин Беспалов

ВОЛЖСКИЕ СКАЗКИ

Содержание

[ВОЛЖСКИЕ СКАЗКИ](#)

[Лошадь с добрым сердцем](#)

[Воробей — не лиходея](#)

[Два весёлых аистёнка](#)

[Три дружка и лентяюшка](#)

[Ладушка и Пряник](#)

[Лисичка и Медведь](#)

[Старик и Волк](#)

[Киселёк](#)

[Муравьишка в рыжих штанишках](#)

[Сила слова](#)

[Точка зрения](#)

[Бессмертник](#)

[Как Ерофеюшка имя потерял](#)

[Лёгкая работа](#)

[Мастер](#)

[Волшебники из волшебников](#)

[Сказала мать сыну](#)

[Ванюша-художник](#)

[Емельянушка и Настя](#)

[Дороги](#)

[Мороз и Зима](#)

[Лисичка и зайчонок](#)

[Лошадь и слепень](#)

[Иван и Степан](#)

[Безрыбья уха](#)

[Детки и табуретки](#)

[Попробовала лиса уха](#)

[Спрятал](#)

[Через дорогу](#)

[Липка](#)

[Грибная полянка и грибники](#)

[Привычка на привычку](#)

[Волк в капкане](#)

[Сорока-защитница](#)

[Как быть?](#)

[Бочонок мёду](#)

[Грозный заяц](#)

[Черепашка](#)

[Индюк](#)

[Волк и яма](#)

[Кто виноват?](#)

[Иголка и нитка](#)
[Рука устала](#)
[На тройках](#)
[Горох Горохович](#)
[Сватался воробушек](#)
[Таракан](#)
[Дед да баба и курица Ряба](#)
[Жил у бабушки козёл](#)
[Советы старого журавля](#)
[Глубина](#)
[Кто ж правду не любит](#)
[Жил да был камень](#)
[Успеется](#)
[Мышонок и мешок](#)
[Порадовался тишине](#)
[Где баран, там и изъян](#)
[Миски](#)
[Делили звери тетерева](#)
[Лисы, как не бывало](#)
[Услужливый медведь](#)
[Дорогое кольцо](#)
[Позвал медведь зайца в гости](#)
[Приятная беседа](#)
[Дверь](#)
[Перепутали голоса](#)
[Не мог, а помог](#)
[Две дочки](#)
[Воробьиная печаль](#)
[Грач — капусткин врач](#)
[Ежишка — храбрый мальчишка](#)
[Рыжая напасть](#)
[Сова в роще](#)
[Студенец и веснянка](#)
[Крапива](#)
[Червячок — чудачок](#)
[Грибы и барсук](#)
[Вишня](#)
[Как чижик иву плакать заставил](#)
[Иван-да-Марья](#)
[Виновного узнает солнце](#)
[Умница-разумница](#)
[Искали кони луг](#)
[Совушка — умная головушка](#)
[Шёл Козёл на луг](#)
[Заяц Гришка и капуста](#)

Аннотация

Сказки замечательного самарского писателя Валентина Ивановича Беспалова (1916–1999), вошедшие в золотой фонд детской литературы, неповторимы, ярки и поучительны. На примерах занимательных сюжетов и взаимоотношений героев книги юный читатель научиться различать важные человеческие качества, формирующие настоящую личность

- [ВОЛЖСКИЕ СКАЗКИ](#)
  - [Лошадь с добрым сердцем](#)
  - [Воробей — не лиходея](#)
  - [Два весёлых аистёнка](#)
  - [Три дружка и лентяюшка](#)
  - [Ладушка и Пряник](#)
  - [Лисичка и Медведь](#)
  - [Старик и Волк](#)
  - [Киселёк](#)
  - [Муравьишка в рыжих штанишках](#)
  - [Сила слова](#)
  - [Точка зрения](#)
  - [Бессмертник](#)
  - [Как Ерофеюшка имя потерял](#)
  - [Лёгкая работа](#)
  - [Мастер](#)
  - [Волшебники из волшебников](#)
  - [Сказала мать сыну](#)
  - [Ванюша-художник](#)
  - [Емельянушка и Настя](#)
  - [Дороги](#)
  - [Мороз и Зима](#)
  - [Лисичка и зайчонок](#)
  - [Лошадь и слепень](#)
  - [Иван и Степан](#)
  - [Безрыбья уха](#)
  - [Детки и табуретки](#)
  - [Попробовала лиса уха](#)
  - [Спрятал](#)
  - [Через дорогу](#)
  - [Липка](#)
  - [Грибная полянка и грибники](#)
  - [Привычка на привычку](#)
  - [Волк в капкане](#)
  - [Сорока-защитница](#)

- [Как быть?](#)
- [Бочонок мёду](#)
- [Грозный заяц](#)
- [Черепашка](#)
- [Индюк](#)
- [Волк и яма](#)
- [Кто виноват?](#)
- [Иголка и нитка](#)
- [Рука устала](#)
- [На тройках](#)
- [Горох Горохович](#)
- [Сватался воробушек](#)
- [Таракан](#)
- [Дед да баба и курица Ряба](#)
- [Жил у бабушки козёл](#)
- [Советы старого журавля](#)
- [Глубина](#)
- [Кто ж правду не любит](#)
- [Жил да был камень](#)
- [Успеется](#)
- [Мышонок и мешок](#)
- [Порадовался тишине](#)
- [Где баран, там и изъян](#)
- [Миски](#)
- [Делили звери тетерева](#)
- [Лисы, как не бывало](#)
- [Услужливый медведь](#)
- [Дорогое кольцо](#)
- [Позвал медведь зайца в гости](#)
- [Приятная беседа](#)
- [Дверь](#)
- [Перепутали голоса](#)
- [Не мог, а помог](#)
- [Две дочери](#)
- [Воробьиная печаль](#)
- [Грач — капусткин врач](#)
- [Ежишка — храбрый мальчишка](#)
- [Рыжая напасть](#)
- [Сова в роще](#)
- [Студенец и веснянка](#)
- [Крапива](#)
- [Червячок — чудачок](#)
- [Грибы и барсук](#)
- [Вишня](#)
- [Как чижик иву плакать заставил](#)

- [Иван-да-Марья](#)
  - [Виновного узнает солнце](#)
  - [Умница-разумница](#)
  - [Искали кони луг](#)
  - [Совушка — умная головушка](#)
  - [Шёл Козёл на луг](#)
  - [Заяц Гришка и капуста](#)
-

ВОЛЖСКИЕ СКАЗКИ

Лошадь с добрым сердцем

Однажды лошадь забрела в лесок. Захотелось ей лесной травки пощипать.

Первой лошадь увидела белка. Ей с высоты виднее.

Белка приглядывалась-приглядывалась к лошади, подумала: «А чего это лошадь зря по лесу бродит? Пусть лучше она меня в орешник отвезёт. Зачем ноги мне бить, когда лошадь есть?» И к лошади:

— Ты всё равно зря по лесу бродишь. Почему бы тебе меня в орешник не отвезти?

Лошадь никак не могла отказать белке. В самом деле, раз уж она бродит по лесу, почему бы белку в орешник не отвезти? И тяжесть невелика.

Ёж заметил, что лошадь повезла белку в орешник, сказал:

— Отчего бы тебе, лошадь, и меня не отвезти на грибницу? Всё равно по пути.

Лошадь никак не могла отказать ежу, раз и вправду по пути.

Барсук увидел, что лошадь везёт белку и ежа, сказал:

— Почему бы тебе, лошадь, заодно не отвезти меня к дубу за желудями? Всё равно по пути.

Лошадь никак не могла отказать барсуку, раз и вправду по пути.

Лиса увидела, что лошадь везёт белку, ежа и барсука, сказала:

— Почему бы тебе, лошадь, не отвезти меня заодно к мышинной норе? Все равно по пути.

Лошадь никак не могла отказать лисе, раз и вправду по пути.

Увидел волк, что лошадь везёт белку, ежа, барсука и лису, сказал:

— Почему бы тебе, лошадь, заодно и меня не отвезти на заячью поляну? Все равно по пути.

Лошадь никак не могла отказать волку, раз и вправду по пути.

Увидел медведь, что лошадь везёт белку, ежа, барсука, лису и волка, сказал:

— Почему бы тебе, лошадь, заодно не отвезти меня к дуплу с мёдом? Всё равно по пути.

Лошадь никак не могла отказать медведю, раз и вправду по пути.

Медведь ухнул, ахнул, вспрыгнул на лошадь. Не выдержала такой тяжести лошадь, грохнулась, пассажиры раскатились в разные стороны, набили шишек, рассердились.

Белка цокнула:
— Разве это лошадь?
Ёж фыркнул:
— Какая же это лошадь?
Барсук хрюкнул:
— Где увидели лошадь?
Лиса тявкнула:
— Обман это, а не лошадь!
Волк взвыл:
— Посмотреть бы мне на лошадь!
Медведь рявкнул:
— Ну, лошадь!
Лошадь горестно вздохнула:
— Помогли бы мне подняться! А в ответ ни звука.
Огляделась лошадь, а вокруг ни души. Каждый по своим делам поспешил.
Пешком-то дальние концы!
Лошадь сама кое-как поднялась, сама еле-еле до дома добралась. И травинки лесной даже не попробовала.
А в лесу о лошади сразу забыли. Чего помнить, раз не возит?

Воробей — не лиходей

Не сказка сказывается,
Не диковинка складывается,
Не песенка поется,
А была богатырская затевается.
Повстречались однажды ненароком
Богатыри славные,
Великаны могучие —
Воробей Воробеевич,
Да Сорока Сороковна,
Да Жук Жукович,
Да Комар Комарович.
Положили богатыри не силу пытаться,
А дружбу сердечную на век завязать.
Порасправили крылья да ноги,
Мерить пошли пути-дороги.
Заварилась каша крута —
Сторонись, мелкота!
Богатырскую рать
И не пробуй сломать!
Вот так-то всех разогнали,
На избу молодцы наезжали.
Из пирогов изба сложена,
Блинами масляными покрыта.

Крыльцо из ватрушек,
Приступки из оладьев,
Дверь из пряника печатного
Калачом заперта.
Подступилась Сорока Сороковна, брякнула:
— Вот и крыша нам, да стол самобраный, —
Соберись, навались,
Да замок долой!
Жук Жукович рогами-рогами,
Комар Комарович — ногой.
Сорока Сороковна подскочила,
Единым духом калач своротила.
Воробей в избу влез,
Громогласно из избы заорал:
— А печка, гляди-ка, из творога,
Лавки из тортов с вафлями,
Стол — крендель маковый!
А на столе чугуны из репы,
Кринки из моркови.
В чугунах каша кипит молочная,
В кринках меды золотые играют.

Влезли в избу
Богатыри богатырские, —
Гром по избе раскатился:
То богатыри за стол усаживались.
По-богатырски кашу молочную убирают,
По-молодецки кринки опрокидывают,
С пирогами да творогом
Запросто управляют.
Жук Жукович рогами крендель бодает,
Комар Комарович лавки ногой попирает.
Сорока Сороковна тому да этому
Блинов да оладьев подкидывает.
Воробей Воробеевич стол крушит,
Речи ведет мудрые:
— Пируйте вволю, други великие,
Нет богатству сладкому краю,
А где краю нет, конца не увидишь!

Вот так-то долго богатыри бились,
Поустали изрядно, спать повалились.
А на утро глаза продрали,
Чудо превеликое увидали:
Изба стоит в четыре былинки,

Небом изба крыта,
Пыреем изба подперта,
Ветром новеньким обнесена.
А где пироги-то, где каша?
Чем богатырям распотешиться?
Комар Комарович лютует,
От излишества отнекивается —
Дескать, малой толикой
В застолье попользовался!
Жук Жукович рога о былинку точит,
В жадности признаваться не хочет —
Об одном гудит упрямо:
— Мне ли пироги заглатывать?
Сорока-потатчица подскакивает,
На Воробья Воробеевича беду сваливает:
Это он-де, негодник, накинулся
На блины-пироги, на оладушки!
А Воробей-то, Воробей, —
Ну, злодей!
Комара Комаровича проглотил,
Жука Жуковича расклевал,
Сороку Сороковну
За хвост дернул, —
Сам подпрыгивает,
Приговаривает:
— Воробей — не лиходея,
Воробей — птица смиренная!

Два весёлых аистёнка

Дело такое было. Один аистенок ловил лягушку в пруду, а другой аистенок — змею на болоте.

Первый аистенок бегал-бегал за лягушкой, до вечера бегал, да так и не словил. Второй аистенок дрался-дрался до вечера со змеей, да так её и не одолел.

Вернулись вечером аистята в родное гнездо, один другого спрашивает:

— Ну как?

— И не говори! — принахмурился первый аистенок. — Так лягушек наглotalся, даже вот на материнскую лягушку смотреть тошно!

— И не говори! — приосанился второй аистенок. — Так змей наглotalся, даже вот на отцовскую змею смотреть тошно!

Аистята переглянулись. Каждый из них подумал: «Смотри-ка ты! Наловил! Может, у него местечко было получше, оттого и добычи погуще?»

Прищелкнул первый аистенок:

— Интересно посмотреть на болото, побегать по кочкам.

Пристукнул второй аистенок:

— Интересно посмотреть на пруд, погулять по бережку.

Ходили аистята вокруг да около, ходили да и договорились: первому утром лететь на болото, второму — на пруд.

Первый аистенок дрался-дрался до вечера со змеей, да так её и не одолел. Второй аистенок бегал-бегал за лягушкой, до вечера бегал, да так и не словил.

Вернулись вечером аистята в родное гнездо, один другого спрашивает:

— Ну как?

— И не говори! — приосанился первый аистенок. — Так змей наглotalся, даже вот на отцовскую змею смотреть тошно!

— И не говори! — принахмурился второй аистенок. — Так лягушек наглotalся, даже вот на материнскую лягушку смотреть тошно!

Аистята будто бы и нехотя перекусили, переглянулись, каждый из них подумал: «Смотри-ка ты! Наловил! Выходит, моё место уж и не такое пустое! И я отдал его этому нахалу?» И у каждого в глазах кучи лягушек, клубки змей.

Прищелкнул первый аистенок:

— Надо бы и мне на пруд, как-то там бережок?

Пристукнул второй аистенок:

— Надо бы и мне на болото, как-то там кочки?

Так и договорились аистята: первому утром снова лететь на пруд, а второму — опять на болото.

Первый аистенок бегал-бегал за лягушкой, до вечера бегал, да так и не словил. Второй аистенок дрался-дрался до вечера со змеей, да так её и не одолел.

Вернулись вечером аистята в родное гнездо, один другого спрашивает:

— Ну как?

— И не говори! — принахмурился первый аистенок. — Так лягушек наглotalся, даже вот на материнскую лягушку смотреть тошно!

— И не говори! — приосанился второй аистенок. — Так змей наглotalся, даже вот на отцовскую змею смотреть тошно!

Аистята переглянулись, каждый из них подумал: «Смотри-ка ты! Наловил! Может я не там ходил, да не туда смотрел?»

Ходили аистята вокруг да около, ходили, да и договорились:

первому утром лететь на болото, второму — на пруд.

Говорят, аистята так до сих пор и летают — то на болото, то на пруд, то на пруд, то на болото. Ищут что-то. А что?

Три дружка и лентяюшка

Однажды в некотором доме, на недалекой улице, у Лени-матушки родился сынок Лентяюшка. Лень-матушка не ерепенится, потихоньку на подушке-душке ленится. А сынок Лентяюшка напропалую трудится, не остудится: на печи протирает кирпичи.

К таким-то приятным хозяевам и гости хорошие. Мыкались неприкаянно по белому свету три дружка закадычных — Голод, Холод да Пустодуй. И совсем уж было пропали, как вызнали нечаянно про Лень-матушку да сынка её Лентяюшку. А вызнали, обрадовались — дальше некуда. Вот она и крыша над головой!

Непрошенный гость норовит хозяином стать. Пустодуй без спросу двери рванул, окна напрочь выбил, по углам зашнырял. Тесно показалось. Лень-матушку вместе с подушкой-душкой в окно выкинул, Лентяюшку с печи спихнул, да и ну по полу катать, приговаривать:

Стучит-бренчит по улице —

Фома катит на курице,

Ерема на кошке

Туда же по дорожке.

— А где моя доля забавы? — не утерпел Холод. Да и ну Лентяюшку щипать-пощипывать, приговаривать:

Скок-поскок, поскок,

Молодой козелок.

По капусту пошёл,

Хворостину нашёл!

Тут и Голод раззадорился, хватъ Лентяюшку за живот, да и ну припевать-приговаривать:

Тюшки-тютюшки,

Пряники-ватрушки.

Маковый рожок,

Сладкий пирожок.

Кое-как выдрался Лентяюшка из рук веселых дружков, и откуда чего взялось! Дрова рубит, огонь в печке голубит, капусту режет, пшено моет, тесто замешивает, приговаривает:

Мы с работой вдвоем

Пустодуя уйдем,

Холод прогоним,

Голод заморим.

Ладушка и Пряник

Несут и несут царевне Ладушке богатые подарки женихи из дальних и ближних сторон, а царевна Ладушка от подарков отказывается, говорит:

— Подарки хороши, да не для моей души. Что мне делать в чужедальной сторонке? Буду я там скучать по родному солнышку, по теплomu подсолнышку, по веселому одуванчику!

А как женихам быть? И сказать бы, что и сторонка невесты приятна, можно бы и здесь остаться, да язык на такие слова не поворачивается. В своем-то царстве-государстве жить хозяином, а в чужом — гостем. А гостю одна доля — на дверь смотреть. Не пора ли, гостенёчек, и домой?

Оттого женихи ещё богаче подарки несут. Вдруг какой и соблазнит Ладушку, пойдет она за ним в чужедальную сторонку чужедальные утехы искать.

А Ладушка смотрит на богатые подарки, вздыхает: «Подарки-то хороши, да не для души. Ни тебе солнышка, ни тебе подсолнушка, ни тебе одуванчика».

И вдруг слуга эдак брезгливо, двумя пальчиками, подает Ладушке печатный пряник. Понимай так: слуга и не взял бы этого пряника, да глупый девичий приказ

все подарки подряд нести заставляет. Выходит, не его, слуги, воля дешевый деревенский пряник показывать на посмеище чужедальних женихов.

А царевна как глянула на пряник, вспыхнула маковым цветом: «Родной пряник-то! Свой!» И торопится:

— А где хозяин пряника?

Дальние да ближние женихи переглянулись, усмехнулись. Видать, позабавиться хочет царевна с деревенщиной!

А хозяин пряника тут как тут. Не Иванушка, а прямо печатный пряник — в липовых лапоточках, в пестрядинных штанах, в ситцевой рубашечке. Да ещё нахально к женихам придвигается. Таким-то пряником — и в калашный ряд?

— Это что ещё за пырей? — отодвинулись женихи от ситцевой рубашечки.

— Не пырей, а одуванчик, — взглянул Иванушка на Ладушку.

— Это что ещё за чертополох? — отодвинулись женихи от пестрядинных штаников.

— Не чертополох, а подсолнушек, — взглянул Иванушка на Ладушку.

— Это что ещё за лопух? — отодвинулись женихи от липовых лапоточков.

— Не лопух, а красно солнышко, — взглянул Иванушка на Ладушку.

— Эх, вознесся! — закипятились женихи. — Сейчас мы тебя на свое место поставим!

— Да я не о себе, я о невесте! — ясным голосом сказал Иванушка. — А разве не так? Да и то! Дома у себя она — солнышко, а в чужедальной сторонке — подорожник.

Вскочила царевна Ладушка со скамеечки, захлопала в ладоши:

— Сказано — сделано! Поставили женихи тебя, Иванушка, на своё место! Быть тебе для меня и одуванчиком, и подсолнушком, и красным солнышком!

Что женихам делать? Не хотели, а забрали свои богатые подарки да и разъехались по своим дальним и ближним сторонкам.

Ах, ладушки-ладушки,

Сказочка у бабушки

На крылечке у ворот

Нас с тобою в гости ждёт.

Лисичка и Медведь

Пробиралась Лисичка по березничку, глядь-поглядь, Медведь валяется около своего плетня, пристанывает. Шуба в клочьях, на лбу шишка, скула набок.

— Что с тобой, Мишенька? — любопытствовала Лисичка, а сама за плетень нос тянет, узнать, на месте ли амбар.

Амбар оказался на месте. А щеколду откинуть — для Лисички не задача. Поэтому поуспокоилась, переспросила:

— Что с тобой, Мишенька, где ж тебя так отполировали?

— А на пасеке, — простонал Медведь. — Позавчера ходил — ничего, вчера ходил — ничего, а нынче на кол напоролся. Ни встать, ни сесть, ни дух перевести.

«И чего старик пасечник совсем не прибил его?» — подсадовала Лисичка и наставительно сказала:

— Знать бы надо Мишенька: на первый раз прощается, на второй — предупреждается, на третий — запрещается. Два разочка бы сходил, а на третий — на лавочке бы посидел, песенку бы спел. А сама через плетень да к амбару. Щеколду в сторону, да к бочке с яблочным соком, да за лосятинку. Вскоре и песенку заиграла.

Медведь у плетня глазами хлопал. Разорвать бы Лисичку за грабеж, а не встать.

А Лисичка в амбаре хороводилась-хороводилась, набрала туесок яблочного сока, лосятины прихватила — и на свое подворье.

На второй день опять Лисичка тут как тут. На Медведя и внимания никакого, сразу в амбар. И пошел пир горой, похлеще вчерашнего. Медведь — и встать бы, а земля ещё не пускает.

А Лисичка в амбаре все вверх дном, да с песнями мимо Медведя, хвостищем по глазам. Дескать, знай наших!

От такой-то обиды откуда у медведя и силы взялись. Встал, кол из плетня выдернул.

На третий день Лисичка к амбару, а Медведь загривок её в горсть, хрипит:

— На первый раз прощается, на второй — предупреждается, на третий — запрещается!

Видит Лисичка — конец приходит, о третьем разочке запомнила. Глянула на здорового Медведя, на здоровенный кол и не то чтоб в беспамятстве, укорила:

— И это мне в благодарность, что быстро на ноги поставила?

У Медведя глаза на лоб, расстроился от таких речей, лапы развел. А когда в чувство пришел, только и увидел рыжий хвост в березничке.

Старик и Волк

Прослышал Волк: завелась у старика скотинка. А раз так, отчего бы на даровщинку и не попользоваться? Заявился под окошечко да и запел:

Старик да старушка
Живут на горушке
В теплой избушке.
У старика и старушки
За печкой телушка,
А внизу, под печкой,
Три ягненка с овечкой!
Старик, отдай ягненка,
А то схвачу телёнка!

Старик лежит на печке, думает: «Только начни! Отдам одного — потребует второго, отдам второго — потребует третьего. А там подавай и овечку, и телушку. И старушку! Известно, аппетит во время еды приходит!»

Волк песню спел, можно было бы и закусить ягненком, а дверь заперта! Щеколду бы и выбить, а вдруг у старика ружьё?

На вторую ночь Волк заявился под окошечко и запел:
Старик да старушка
Живут на горушке
В теплой избушке.

У старика и старушки
За печкой телушка,
А внизу, под печкой,
Три ягненка с овечкой!
Старик, отдай ягненка,
А то схвачу телёнка!

Старик лежит на печке, думает: «Только начни! Отдам одного — потребует второго, отдам второго — потребует третьего. А там подавай и овечку, и телушку, и старушку! Известно, аппетит во время еды приходит!»

Волк песню спел, можно было бы и закусить ягненком, а дверь заперта!
Щеколду бы выбить, а вдруг у старика ружьё?

На третью ночь Волк было под окошечко, а дверь-то в сени открыта!

Нырнул Волк в сени, а вынырнул в избе шубой. Уж и ни к чему, а свое тянет:

Старик да старушка
Живут на горушке
В теплой избушке.
У старика и старушки
За печкой телушка,
А внизу, под печкой,
Три ягненка с овечкой!
Старик, отдай ягненка,
А то схвачу телёнка!

Старик греется под волчьей шубой, бормочет:

— Пой, пой, и я с тобой!

Киселёк

Жила-была сестрица Анисьюшка с братцами Ванюшкой, Ивашкой да Иваном-большим семи годов. Вот однажды сестрица братцам говорит:

— Пойду я, братцы, в лес, наберу ягод, сварю киселёк, угощу вас сладким кисельком.

Как сказано, так и сделано. Взяла Анисьюшка туесок да и пошла в лесок не в дальний, не в ближний, а как раз посередке. Долго, коротко ли по кустикам бродила, ягод полный туесок набрала, домой подалась. А навстречу ей через кусты ломит

Корова комола,

Лоб широк,

Глаза узенькие.

— Здравствуй, — говорит, — девушка, здравствуй, голубушка.

Братцев собралась кисельком угостить, а про меня, хозяина леса, забыла! Не зовут, сам стучусь в дверь. Не угостишь меня кисельком, в дальний лес заведу, твоих братцев изведу.

Не испугалась Анисьюшка, ответ держит:

— Угостила бы тебя кисельком, медведеюшка, да как же дело начинать под синенькой шубейкой, на зеленом кафтане.

— Зачем же дело стало? Есть у меня, девушка, есть у меня, голубушка,

Дубовый бычок,
Проклеваный бочок.

— Бычок есть, а в чем же я ягоды протру?

— За чем же дело стало? Есть у меня, девушка, есть у меня, голубушка,

Чудо чудом,
Сошлось оно кругом,
Дыр много,
А выскочить некуда.

— Чудо чудом есть, а в чем я киселёк сварю?

— За чем дело стало? Есть у меня, девушка, есть у меня, голубушка, тот, кто

Был на копанце,
Был на хлопанце,
Был на пожаре,
Был на базаре.

— Дедко Котел есть, а куда его поставить?

— За чем дело стало? Есть у меня, девушка, есть у меня, голубушка,

Толстуха в амбаре,
Не свезешь на паре.

— Толстуха есть, а куда я киселёк выставлю?

— За чем дело стало? Есть у меня, девушка, есть у меня, голубушка,

Четыре брата,
Под одной шапкой живут.

— Четыре братца есть, а на чего я тебя посажу?

— За чем дело стало? Есть у меня, девушка, есть у меня, голубушка,

С ногами —
Без рук,
Со спиной —
Без головы.

— С боками без ребер есть, а чем киселёк почерпнуть?

— За чем дело стало? Есть у меня, девушка, есть у меня, голубушка,

Корова в хлеве,
А хвост на хлеве.

— Ну что ж, медведеюшка, пойдем, угощу кисельком.

Пришли Анисьюшка с Топтыгой в его избушку. Натерла Анисьюшка ягод в решете, затеяла киселёк в горшке, поставила горшок в печку, сварила киселёк, усадила Топтыгу за стол на дубовом стуле, подала ему киселёк в миске, а ложку он и сам побыстрее взял.

Поел сладкого киселька, сказал:

— Умница ты, девушка, разумница, голубушка. Все загадка мои разгадала, кисельком угостила. Дарю тебе за это туесок

Красненьких матрешек,
С беленьким сердечком.

Догадалась Анисьюшка: дарит Топтыга малины. Взяла туесок — и за порог.

А время-то, оно шло-шло, да и ушло. Братцы сестрицу поджидают да гадают: уж не поехать ли за ней? Ванюшка говорит:

— Сяду-ка я, братцы, на коня
Крылья орловы,
Хобот слоновый,
Грудь кониная,
Ноги львиные,
Голос медный,
Нос железный,
и поеду встречать сестрицу. Очень уж хочется мне повидать её скорее.
Хорош у Ванюшки конь!
Ни зверь, ни птица,
Как ветер мчится,
Все его боятся,
С пути сторонятся!

Уехал Ванюшка, Ивашка не утерпел. Говорит:

— А вдруг что случилось с нашей сестрицей? Поскачу, разузнаю!

Вскочил на коня
На черного, да не ворона,
Рогатого, да не быка,
С шестью ногами,
Да без копыт.
Хорош у Ивашки конь!
По-бычьему мычит,
По-медвежьему рычит,
Все его боятся
С пути сторонятся!

Сидел-сидел Иван—большой у окошка, дожидался-дожидался сестрицу и
братцев, вздумал песню в товарищи позвать, чтобы веселее было время провожать:
Взгляну я в окошко,
Раскину рогожку,
Посею горошку,
Положу хлеба краюшку.
Пел-пел, да и ахнул:
— А ну как братцы без меня весь киселёк выхлебают?
И без поспешки на коня
Ноги многи,
Усы длинны,
А хвостом бряк-бряк.
Хорош у Ивана-большого конь!
Не копытами —
Клещами бьет,
Едет задом наперед.

Скоро-не скоро, добрался Иван-большой до леса, а там Ванюшка с прыдышком
играет, по полянке
С маленьким, сереньким
Прыг-скок!

А Ивашка на пеньке сидит, сказку говорит:

Выходила девица

Из-под полицы,

Увидала Кукарея,

Спросила его:

— Кукарей, Кукарей,

А где Которей?

Отвечает Кукарей:

— А наш Которей

На каменных горах почивает,

Сил набирает.

Как рассыплут горох

На все сто дорог,

Пойдет тебя воевать!

Говорит турица

Из-под каменной горицы:

— Ох, мне горе горевать,

Куда деток мне девать?

Не пойти ли в поле,

Погулять на воле?

Осердился Иван-большой, закричал могучим голосом:

— Видать, после кисельку-то на игры да на сказки потянуло? А вот я вас сейчас ещё и берёзовой кашей угощу!

А тут из-за берёзки Анисьюшка вышла:

— Не сердись, Иван-большой, на малых, необразованных. Пойдемте скорей домой, я вам малинового киселька сварю.

Обрадовались Ванюшка, Ивашка, Иван-большой, поскорее запрягли в кузовок своих трёх огневых коней. Да на тройке лихо к дому помчались. А тройка хоть куда! Рак-коренник, комар да жук — пристяжные. Дуга с колокольцами-перезвонцами.

Дома Анисьюшка киселёк быстро сварила да к сладкому кисельку на стол положила

Комовато,

Ноздревато,

И губато,

И горбато,

И кисло,

И пресно,

И вкусно,

И красно,

И кругло,

И мягко,

И твердо,

И ломко,

И черно,

И бело,

И всем и каждому
Мило.

Поели братцы, Анисьюшке спасибо сказали.

И я там был, киселёк разливал, хлеб делил. Себе краюшку взял, глядь — в синем небе потерял. Я искать пойду, а тебе сказку да дуду. Загадки разгадай да с устатку поиграй.

Муравьишка в рыжих штанишках

Проснулся Муравьишка в рыжих штанишках, на кровати потянулся, встряхнулся, соскочил на пол, усики почистил, надел рыжую рубашку и побежал завтракать на лопух — там муравьи молочных тлей пасли и всех муравьишек сладким молоком кормили.

Увидел на лопухе Муравьишку пастух и усмехнулся в усы:

— Э-э, ещё один рыжий муравьишка объявился! Иди скорей, молочка попей!

Попил Муравьишка в рыжих штанишках молока отправился на яблоню — взглянуть, как там и что.

В то же утро в сад вышел хмурый и сонный парень. В руках у него была большая железная лопата и здоровенная метла. Надумал парень сад очистить от всего лишнего. Дескать, пускай яблоням ничто и никто не мешает.

Начал парень с земли все подряд срезать — траву, кустики, цветы и одни яблони оставлять. Подошёл к муравейнику, в котором Муравьишка в рыжих штанишках жил. Подошёл и лопатой муравейник срезал да через забор в соседний сад забросил, где всякой травы-живности полным-полно было.

Муравьишка в рыжих штанишках увидел такой разбой и закричал:

— Ты чего делаешь?

— Вы яблоням мешаете! — грубо сказал парень, схватил метлу и метлой муравьишку с яблони раз! Запутался Муравьишка в метле и не успел охнуть, как очутился за забором.

Парень продолжал сад очищать, а муравьи около разоренного муравейника горевали. Суетились, бегали, не знали, с чего начать. Не то дом строить, не о тлей собирать, не то муравьишек спасать.

Очнулся Муравьишка в рыжих штанишках недалеко от муравейника. Забрался он на подсолнух и крикнул:

— Понапрасну тужить — вторую беду нажить! Давайте так — одни пусть муравейник строят, другие муравьишек спасают, а третьи тлей собирают. Четвертые, самые сильные и молодые, ко мне!

Послушались муравьи Муравьишку в рыжих штанишках. Сумел он дельное слово сказать, в одно всех собрать. И это тогда, когда войско почти всё погибло, стариков побило.

Пастух пошевелил усами и сказал:

— Видно не даром я кормил Муравьишку в рыжих штанишках самым вкусным молоком.

А Муравьишка в рыжих штанишках спустился с подсолнуха и приказал молодым муравьям в строй становиться, военным наукам обучаться, потому как надо было муравейник от неожиданных врагов защищать.

Когда войско обучилось, отправился смелый Муравьишка в рыжих штанишках в поход. Половину сада обошел, никого не нашел, а как вторую половину стал обходить, встретился с таким же Муравьишкой в рыжих штанишках, как сам.

Ты зачем сюда пришел? — спросил чужой муравьишка. — Это моя страна!

— Ладно, — сказал Муравьишка в рыжих штанишках, — в твою страну мы не пойдем. И давай так договоримся — вместе будем сад от всякой нечисти очищать, друг друга не обижать!

А пока муравьишки говорили, два войска выстроились, ждали, чем разговор окончится.

Чужой муравьишка подумал-подумал и ответил:

— Слышал я про вашу беду от своих разведчиков. Живите в нашем саду. Места всем хватит.

На том и порешили. А на другой день вышел в сад седой старик, увидел второй муравейник, обрадовался:

— То-то будут у меня в этом году яблоки! И откуда только новые муравьи взялись? Да какие веселые, крепкие! Один к одному!

— А ты бы нам лучше помог, чем подхваливать, — сказал Муравьишка в рыжих штанишках. — Тлей у нас мало, а малыши есть хотят!

— Всё сделаю, — согласился старик, — как же я моим друзьям верным не помогу?

И он отправился искать тлей по на лопухах, а Муравьишка в рыжих штанишках объявил охоту на червяков, гусениц, жуков.

А парень что? Парень в саду всю землю очистил, яблони голышом оставил.

— Вот теперь порядок! — довольно засмеялся парень, — будут у меня яблони на свободе расти, яблоки мне самые крупные дадут. Яблоки я отвезу на базар, наберу на них разного товару!

Дождлся парень осени, явился в сад, а многие яблони без листьев стоят — гусеницы их поели. А где и появились яблоки, в них червяки много дырок понавертели.

Завопил парень истошным голосом:

— Елки-палки вы, а не яблони! Я для вас старался, а вы урожай мой загубили!

Муравьишка в рыжих штанишках как раз на заборе сидел. Услышал он вопли парня и усмехнулся:

— Не яблони, а ты урожай погубил! Посмотри, какие яблоки у старого старика! Мы всех червяков, гусениц и жуков убрали с каждой яблони, с каждого яблока!

— А почему же ты мне о своей работе ничего не сказал? — угрюмо спросил парень.

— А ты мне и слова не дал досказать, метлой вымел, — ответил Муравьишка в рыжих штанишках, — надо уметь не только самому говорить, а других выслушивать.

Опустил голову парень, просит:

— Вернись, муравьишка! Что хочешь для тебя сделаю! Для каждого муравья отдельный муравейник построю!

Засмеялся Муравьишка в рыжих штанишках:

— Вернулся бы, да кто тебя знает? Вдруг ты вздумаешь яблони корчевать, сад прибирать?

Сила слова

Однажды шёл путник по дороге и наткнулся на огромный камень. Наткнулся и закричал:

— Эй, ты, камень, убирайся с дороги, ты мне мешаешь!

Но камень — ни с места. Тогда путник начал его ругать. Долго ругал, а камень хоть бы пошевелился.

В это время к камню подъехал всадник.

Путник ему и говорит:

— Видал? А ещё говорят, что сильнее слова ничего нет на свете. Я целую гору слов наговорил, а камень — ни туда ни сюда. Лежит и пройти не даёт!

Всадник слез с коня, обвязал камень верёвкой, и конь оттащил камень с дороги.

— Вот это другое дело, удовлетворённо сказал путник.

— Э-э, нет, — ответил всадник. — слово-то всё-таки сильнее всего на свете. Ты мне сказал, что тебе камень мешает, я его и убрал. А когда ты слова на ветер бросал, у тебя ничего и не получалось.

Точка зрения

Как-то после дождя вылез из земли Червяк и произнес:

— Весь мир — это глина, песок, камни и земля. Он черный, твердый и сырой.

Услышал эти слова Жаворонок и возразил:

— Ты не прав. Весь мир — это голубое небо, зеленые леса, золотые поля!

— Э-э, нет! — высунулся Карась из пруда. — Оба вы говорите глупости. Весь мир — это ил и вода!

Червяк ничего не ответил. Он полез в землю, чтобы убедиться, что он прав.

Жаворонок поднялся высоко в небо, чтобы убедиться, что прав он.

Карась шлепнул хвостом и ушел в воду, чтобы убедиться в своей правоте.

Червяк, Жаворонок и Карась не могли доказать свою правоту, потому что каждый из них смотрел на мир только со своей точки зрения.

Бессмертник

Враги ползком через лес подбирались к маленькому мирному городку. Они уже считали городок своим, а жителей — рабами.

В лесу собирал грибы мальчик. Он увидел врагов, хотел было убежать, но подумал: «Я убегу, а враги всё равно придут в городок. Лучше я их встречу здесь». И он громко-прегромко, так, чтобы услышали в городке, запел песенку о том, что враги, словно змеи, ползут через лес к городку.

Предводитель врагов приказал схватить певца, заставить замолчать и привести к нему. Мальчика привели, и предводитель спросил, сколько в городке солдат.

— Все жители — солдаты, — сказал мальчик, — а если я вру, пусть меня родная земля не примет.

И тут же ушёл в землю по колена.

Предводитель нахмурился, а мальчик обрадовался. Враги побоятся нападать на городок!

— Сколько в городке пушек? — насупился предводитель.

— На каждого из вас по пушке! — ответил мальчик. — А если я вру, пусть меня родная земля не примет!

И тут же ушёл в землю по пояс.

Предводитель почернел, а мальчик обрадовался. Враги побоятся нападать на городок!

— Сколько к пушкам ядер? — выдавил предводитель.

— Сколько звёзд на небе! — ответил мальчик. — А если я вру, пусть меня земля родная не примет!

И тут же с головой ушёл в землю.

Предводитель приказал войску повернуть назад.

Когда войско вернулось домой, предводитель сказал:

— В городке не было солдат и пушек, но если там живут такие мальчики, то как же будут защищать городок взрослые! Земля бы у нас загорелась под ногами!

Солдаты подивились мудрости своего предводителя и были рады, что живыми выбрались с чужой земли.

А жители городка на том месте, где стоял мальчик, нашли скромный цветок. Они назвали его Бессмертником. Этим цветком они украсили герб городка. Так мальчик вернулся домой.

Как Ерофеюшка имя потерял

Жили-были отец и его сынок Ерофеюшка. Отец трудился, а Ерофеюшка делу учился. Отец яблоньку поливает, отец ромашку поливает, отец репку поливает, Ерофеюшку наставляет:

— К делу привыкай, дело узнавай, в дело вникай! Береги своё имя, как яблоньку, люби своё имя, как ромашку, храни своё имя, как репку! Без имени ты кто? Никто! Как яблонька без яблока, как ромашка без лепестков, как грядка без репки!

Ерофеюшка посматривает на отца с высокого крыльца, посмеивается:

— Да что ты, отец, стращаешь? Разве я твоего простого дела не изучу? Разве я без имени останусь? Разве я дурак дураковский?

А отец в ответ:

— Дело-то моё простое! Да ведь не дольёшь, не нальёшь, перельёшь — беда придёт. Меры не знать — других смешить, самому слёзы лить.

А Ерофеюшка своё:

— Сумею и налить, и полить, и не перелить! Пойду-ка я лучше силы пытаться, своё счастье искать!

Что отцу делать? Когда время приспее, яблоко на яблоне не удержать. Собрал сына в дорогу, с крыльца проводил.

По весёлой дороге за час куда надо дойдёшь, по скучной дороге и года мало. Но, говорят, какая бы дорога ни была, а конец у неё всегда найдётся.

Шёл Ерофеюшка, шёл и в царство-государство девицы-красавицы пришёл. А девица-красавица как раз всенародно объявила:

— Кто правильно яблоньку, ромашку, репку польёт, за того и замуж пойду!

— Ого! — обрадовался Ерофеюшка, — счастье само ко мне в руки идёт!

Ерофеюшка даже пыль дорожную с ног не стряхнул, сразу к дому девицы-красавицы повернул. А навстречу ему женихи, женихи, женихи! Усатые и безусые, высокие и низкие, старые и молодые. Все разные, а слёзы льют одинаковые.

Что такое? Почему? — остановился Ерофеюшка.

А женихи в ответ:

— Удачи нам нет! Думали, девица-красавица забаву ищет, а она ищет делу помощника! Думали, воду лить дело простое, а оно золотое!

— Дураки вы набитые, дураки вы отпетые, дураки вы прописные! — обрадовался Ерофеюшка. — Другого имени вам и нет!

Припустился бегом, влетел в дом девицы-красавицы, выдохнул:

— Я-я!

— А что — ты? — любопытствовала девица-красавица. — Кто ты есть, из каких — таких мест явился? Мне на смех, себе на слезы или обоим на радость?

— Обоим на радость! — выпалил Ерофеюшка, пристукнул каблучком, вскинул победную головушку. — Такое простое дело и не сделать? Дураком на до быть гольным!

— Простое, говоришь, дело? — нахмурилась девица-красавица. — Ну, коли так, иди и полей мою яблоньку! Да так, чтобы яблонька тебе в пояс поклонилась, яблочком нас одарила.

— Это я сейчас! — махнул рукой Ерофеюшка. — Не привыкать воду разливать!

— Лить лей, да дело разумей! — отговорилась девица-красавица.

А Ерофеюшка уже и не слышит — схватил ведро, побежал в сад, плеснул воды под яблоньку, крикнул:

— Готово!

А у яблоньки сразу ветки высохли, застонала она:

— Как тебя после этого зовут?

И сухими сучьями вдоль спины Ерофеюшку вытянула, самомнение вышибла, к девице-красавице выкинула.

Покачала девица-красавица головой, вздохнула:

— Недолил!

— Да ведь отец меня учил! — оправдался Ерофеюшка.

— Выходит, недоучил! — усмехнулась девица-красавица. — Ну, на первый раз прощаю. Иди и полей ромашку! Да так, чтобы расцвела, погадала — любишь ты меня или не любишь!

А Ерофеюшка уже и не слышит — схватил ведро, скоком на луг, опрокинул ведро на ромашку, крикнул:

— Готово!

А ромашка мокрой плетью стала, простонала:

— Как тебя после этого зовут?

И мокрой плетью вдоль спины Ерофеюшку вытянула, беспечность вышибла, к девице-красавице выкинула.

Покачала девица-красавица головой, вздохнула:

— Перелил!

— Да ведь отец меня учил! — оправдался Ерофеюшка.

Выходит, недоучил! — притуманилась девица-красавица. — Ладно, так и быть, и вторая промашка не в зачёт. Иди и полей репку! Да так, чтобы выросла сладкой и крепкой!

А Ерофеюшка уже и не слышит — схватил ведро, выбежал на огород да около грядки сообразил: «В одном месте недолил, в другом — перелил, а на грядку лучше уж и совсем не лить!»

А у репки коса сразу высохла, застонала репка:

— Как тебя после этого зовут?

И острыми листьями вдоль спины Ерофеюшку вытянула, память вышибла, к девице-красавице выкинула.

Покачала девица-красавица головой, вздохнула:

— Не налил!

— Да ведь отец меня учил! — скуксился Ерофеюшка.

— Выходит, недоучил! — нахмурилась девица-красавица. — Да не отец — ты сам. Устала я с тобой, пить захотела. Налей из ведёрка стаканчик водицы.

Ерофеюшке что? Приказано из ведёрка — значит лей из ведёрка! Черпачок с ведёрка снял, ведёрко над стаканом наклонил было, а всю воду на себя и вылил. Не выдержала девица-красавица, засмеялась:

— Да ты, мблodeц, меры не знаешь! Как тебя после этого зовут? Дурачком мокрым?

Заплакал Ерофеюшка, прочь пошёл, дурацкую песенку завёл:

И гадал — не угадал,

где я имя потерял.

Шёл-шёл вдоль да по дорожке, да поперёк леса, к отцу пришёл. А куда же ещё? Взялся не на крыльце стоять, а воду таскать, яблоню, ромашку и репку поливать. Да не как-нибудь, а по отцовской мерке. Год ведра таскал, год поливал, год меру узнавал.

Через три года пришёл к девице-красавице, яблоньку полил, ромашку полил, репку полил, повинился:

— Тогда дело просто, когда потов сойдёт со сто!

Подошёл к ведёрку, черпачком почерпнул водицы, налил стаканчик, подал хозяйке.

Улыбнулась девица-красавица, сказала:

— Слышала, Ерофеюшкой зовут? Вижу, Ерофеюшка, хозяин ты своему делу, хорошим помощником мне будешь!

Спасибо Ерофеюшке! — откликнулись яблонька, ромашка и репка.

И подарили Ерофеюшке на свадьбу волшебное яблочко, волшебный цветок, волшебную репку. Сколько их Ерофеюшка ни раздаёт, а всегда они есть, не переводятся. И в саду, и на лугу, и на огороде!

Имя мастера прославляют.

Лёгкая работа

Повстречались как-то на дороге старик и парень. Пожаловался парень старику:

— Трудная у меня жизнь. За какую бы работу не брался, самое тяжёлое достаётся!

— О чём горевать! — качнул головой старик. — Я найду тебе самую лёгкую работу. Вот тебе пшеничное зерно. Брось его в землю — с хлебом будешь.

— Это по мне! — обрадовался парень. — Давай зерно.

Отдал старик парню зерно, бросил парень зерно, а оно не в землю, а на землю.

— Как же быть? — поглядел парень на старика.

— Да ты не бойся, пустячок один надо сделать, — утешил старик. — Вспаши землю, а потом зерно и брось.

Вспахал парень землю, три пота пролил, бросил зерно, а оно не в землю — поверху легло.

— Как же быть? — поглядел парень на старика.

— Да ты не бойся, пустячок один надо сделать, — утешил старик. — Заборонуй землю, а потом зерно и брось.

Забороновал парень землю, зерно в землю ушло.

— Вот оно когда в землю ушло! — вытер парень пот со лба.

— Ушло-то оно ушло, да мне его жалко стало тебе отдавать, — сказал старик, — возьму назад.

— Как возьмёшь? — заволновался парень. — Я столько труда положил, пока землю пахал, пока землю бороновал!

— Да мне и тебя за одно жалко стало, — возразил старик. — Подумай-ка, сколько труда тебе надо будет отдать: урожай вырастить, урожай собрать, зерно размолоть, хлеб испечь!

— Раньше бы жалел, когда пахать велел! — обиделся парень.

— Смотри, — сказал старик, — потом не кори. Вместо самой лёгкой самую трудную работу на себя берёшь!

— Ладно, — вздохнул парень, — зато и утеха есть. Зерно само зёрна растит.

— Не только, — подхватил старик. — Хлеб сам растёт — и человека растит.

Мастер

Зашёл мастер-ложкарь в один дом, смотрит: парень на постели лежит, храпит без просыпу. Подождал, когда парень нечаянно проснулся, спрашивает:

— Ты чего это делаешь?

— Не видишь? Время подгоняю, — пожаловался парень, — и убил бы, да не знаю как.

— А я тебе помогу, — развеселился мастер, — и не заметишь, как времени не будет не то что поспать, а и зевнуть. Вот тебе задача для интереса: сколько ложек сделаешь, столько и рублей получишь.

Соблазнился парень, подсел к мастеру. Мыслимое ли дело? Построгал от нечего делать — получай рубль?

Строгает парень, рубли получает, а мастер ложки обтачивает, окрашивает.
Однажды мастер делал-делал разноцветные ложки, рукой махнул:
— Эх, была не была! Для интересу! Сделаешь ты, парень ложку лучше меня, сто рублей кладу!

Тут уж парень и о времени забыл. Утром проснётся, вечером очнётся. И не заметил, как борода поседела, когда ложку лучше мастера сделал. Хотел было перед ним похвастаться, оглянулся — оказалось, он сам мастер и есть.

— Пошутил мастер, — огладил парень расписную ложку, — не пропало моё время! В ложке оно.

Волшебники из волшебников

Жили-были когда-то и где-то мать и сын. А жили-были они так: сын норовил поскучать, а мать старалась сына к делам приучать.

Подходит время, мать просит:

— Сынок, наруби дровец, обед сварю.

Сын рубит дрова, эхает:

— Эх, каждый день рубить и рубить дрова — скука смертная!

Подходит время, мать просит:

— Сынок, наноси водицы, рубашечку тебе постираю.

Носит сын воду, эхает:

— Эх, каждый день носить и носить воду — скука смертная!

Подходит время, мать просит:

— Сынок, попаси корову, молока надою.

Сын пасёт корову, эхает:

— Эх, каждый день пасти и пасти корову — скука смертная!

Однажды сын не выдержал, сказал:

— Скучно каждый день делать обычные дела — дрова рубить, воду носить, корову пасти. Слыхал, за рекой мудрая девушка живёт. К ней бы сходить надо. Может, она подскажет, где моё счастье?

Вздохнула мать, собрала сына в дорогу, сказала:

— Раз уж пошёл, пусть у тебя дорога будет лёгкой.

Вышел сын на дорогу, от радости ног под собой не чует. Идёт, подпрыгивает, бежит. А к обеду и есть захотел. Сунулся в мешок, а там вместо кренделей и пирогов — крупа, картошка, соль, котелок, топорик.

Эхнул сын:

— Эх, далеко от дома ушёл, а к тому же делу пришёл!

Не буду дрова рубить, не буду обед варить!

Забросил топорик, выкинул соль, выкинул картошку, высыпал крупу, рукой махнул:

— Пусть у меня дорога и взаправду будет лёгкой.

Длинная дорога в пот вгоняет. Брёл, брёл сын, почувствовал — пропадает. Соль тело разъедает. Сунулся в мешок, а там вместо чистой рубашки — туюсок да мыло.

Эхнул сын:

— Эх, далеко от дома ушёл, а к тому же делу пришёл!

Не буду воду носить, не буду рубашку стирать!

Выбросил туюсок, забросил мыло, закинул грязную рубашку, рукой махнул: — Пусть у меня дорога и взаправду будет лёгкой.

Ковылял, ковылял сын по дороге, домик мудрой девушки на крутом берегу реки увидал. На крылечке — никого, а около крылечка — корова хвостом крутит, мычит.

— Эх, далеко от дома ушёл, а к тому же делу пришёл! Нечего и речку переплывать. Не буду корову пасти, не буду корову доить!

Повернул от реки и, где кувырком, где ползком, добрался до родного дома, замертво упал. Так бы ему и пропасть, да мать вышла. Увидела сына, попросила:

— Сынок, дровец наруби, обед сготовлю. Воды наноси, рубашку постираю. Корову попаси, молока надою.

Ничего не сказал сын. Из последних сил дров нарубил, воду наносил, корову попас.

Мать сына накормила, напоила, сама поела, рубашку нашла, постирала, сказала: — Ты за обычными делами скучал, а того не знал, что они волшебники из волшебников. Они и кормят, и поят, и одевают.

— И счастье дают? — поморщился сын.

— И счастье принесут, если к тому же и такое обычное дело сделать: пойти и найти.

Сын молчком собрал мешок, к мудрой девушке пошёл. Дров нарубил, воды наносил, корову попас, спросил:

— Не пригожусь ли?

Посмотрела девушка на его дела, сказала мудро:

— По твоим делам тебе и привет.

И усадила в красный угол, и угостила, и приласкала, и на ушко сказала: — Давно ждала!

Ну разве обычные дела и впрямь не волшебники из волшебников?

Сказала мать сыну

Однажды сказала мать сыну:

— Сходил бы к соседке. Она и красива, и неспесива. И умом богата, и в работе таровата.

— Вот ещё! — возразил сын. — Пойду, а вдруг она мне дверь не откроет?

А если откроет, понравлюсь я ей или не понравлюсь?

А если понравлюсь, пойдёт замуж или не пойдёт?

А если пойдёт, переедет ко мне в дом или не переедет?

А если переедет, умеет щи варить или не умеет?

А если умеет, сварит она мне щи или не сварит?

А если сварит, подаст она щи на стол или не поставит?

А если поставит, будет сама есть или не будет?

А если будет, хватит мне щей или не хватит?

А если хватит, сказать ей спасибо или не сказать?

А если сказать, улыбнётся она или не улыбнётся?

А если улыбнётся, дать ей местечко на печке или не дать?

А если дать, я-то куда денусь?
Нет уж, лучше печка, чем колечко!

Ванюша-художник

Бараны бьют в барабаны, утки дуют в дудки, собаки квакают, коты гагакают, раки задом наперёд идут, щуки сети рвут, петушок заломил гребешок, коза таращит глаза, комарики-сударики камаринскую выкамаривают, воробышек поскакивает, чирикает:

— Прочь с дороги, не давите ноги!

Что за притча? Что за веселье? Свадьба, пир честной, новоселье? Ни то, ни другое, ни третье! Это вышел на прогулочку по родному переулку Ванька, Ваня, Ванюша-сапожник, в своём деле великий художник!

Ах, как он широко двери мастерской открывает! Ах, как он заказчиков привечает! Ах, какие он сапожищи, сапоги, сапожки тачает!

Зайдёт заказчик, отдаст товар, поклонится, к двери заторопится, а не успеет дверь толкнуть, Ваня-Ванюша обрывает путь:

— Куда? Не успел словом перемолвиться, а без сапог домой торопится! Бери на радость моё изделие, носи без году неделю!

А сапоги блестят! А сапоги хрустят! А сапоги скрипят! Носить будешь — во век мастера не забудешь!

Вот так-то вот работает Ваня-сапожник, Ванюша-художник! Да что там! На ходу подмётку старую срежет, новую поставит! На товар взглянет, и сапоги тут же перед тобой стоят! И каждому по желанию, каждому по ожиданию, каждому по его вкусу!

Работникам царя Еропки он сапожищи сошьёт поуже, чтоб на любимую мозоль жали потуже, заставляли повеселее подскакивать, попрыгивать, побегивать. Подскакивают работнички, прыть выказывают работнички, бегают работнички, похваливают мастера:

— Ну, Ванька! Ох, Ванька! Ух, Ванька! Не был бы ты художником, быть бы тебе вместо любимой мозоли!

А вечером, когда снимут сапожищи, подсчитают, сколько раз похвалил царь Еропка за расторопность, добреют:

— Ах, Ванятка! Ох, Ванятка! Ух, Ванятка! Художник!

Мужикам мастер шьёт сапоги-сороходы. Хрустят мужики сороходами на всю деревню, скрипят мужики сороходами на всю округу, грохают мужики сороходами на всю вселенную, поминают мастера:

— Ну, Ванюха! Ох, Ванюха! Ух, Ванюха! Не был бы ты художником, быть бы тебе вместо пробки в ушах!

А вечером, когда снимут сапоги, подсчитают, сколько дорог исходили, добреют:

— Ах, Ванёк! Ох, Ванёк! Ух, Ванёк! Художник!

Девичам-красавицам мастер шьёт такие сапожки, такие сапожки! И чулочек так не натянется, ножку так не стянет! Прямо танцевать охота! Пританцовывают девицы-красавицы перед парнями, похваливают мастера:

— Ну, Ваня! Ох, Ваня! Ух, Ваня! Не был бы ты художником, быть бы тебе вместе ноженек!

А вечером, когда стянут сапожки, подсчитают, сколько взглядов завистниц словили, добреют:

— Ах, Ванюша! Ох, Ванюша! Ух, Ванюша! Художник!

Дочка царя Еропки так-то ахала-охала и вбила себе в голову, что Ванюша и есть её суженый. И скажи, как получается! Не гадаешь — повстречаешь, а захочешь увидеть — ходи год, а не повстречать.

Так и с дочкой царя Еропки приключилось. Нечаянно Ванюшу встречала — не замечала, а захотела встретить — кругом беда, кругом незадача! То Ванюши нет, то отец в светлицу загоняет, наставляет:

— Доченька ты моя ненаглядная! Не смотри ты на сапожника, а смотри на заморского гостя матросика! Что тебе сапожник? Сапожник всегда без сапог! А заморский гостюшка матросик сам в шелках щеголяет, тебя в шелка нарядит! И язык у него не наш — заморский, и мастер он отменный! Хочешь — лодочку-самоходочку смастерит, хочешь — кораблик с паруском построит! Да и меня заморский гостюшка не обойдёт, штаники с колокольцами подарит!

А сердце девичье попробуй в золотую клетку запереть! Все самые хитрые запоры отомкнёт, не заметишь, как упорхнёт!

Не надобен царской дочке заморский гостюшка матросик, а надобен царской дочке этот ветродуй Ванюша-художник!

Уследила однажды девица, как Ванюша выходит на прогулочку по родному переулочку, шепнула:

— Без тебя — никуда! А застит нам дорожку заморский гостюшка матросик. Прельстил отца штаниками с колокольцами!

— Загадала загадку! — тряхнул кудрями Ванюша. — Если я в своём деле художник, то и матросик, должно, в своём — музыкант. Да где наша не пропадала!

Царя Еропку зло на Ванюшу разбирает, а сделать ничего не может. Художник не работник, его не заставишь скакать, бегать, да прыть показывать. Ладно, к утешению сердечному заморский гостюшка матросик в барабан ударил.

— А-то? Мы-то? Наше дело понаряднее! Гроша ломаного сапожное дело не стоит!

И вдоль да по площади гуляет, грудь навывкат, нос вверх.

А Ванюша что? Бочком, бочком, поклонился:

— Не мне, хозяину, наперёд лезть! Гостю первая тарелка, первая чашка, первое слово!

Отнекивается заморский гостюшка матросик:

— Гостю, конечно, уважение, да хозяину — первая ложка. Вдруг недосолено, вдруг пересолено?

Так-то переговаривались-перекорялись, Ванюша выдохнул:

— Да где уж нам в калашный ряд! Известно, сапожник всегда без сапог, а у тыквы ума нет!

Тут заморскому гостюшке матросику и деваться некуда. Не в его привычке дурнем себя выказывать. Потому набрался духу, говорит гордо:

— Наше дело выше всех дел! Кораблики все моря, озёра, реки бороздят! Ветер их не остановит, волна их не собьёт! Моторы, знай, постукивают, снасти, знай, поскрипывают!

— А что, и по земле постукивают? — спросил Ванюша спроста, — и по земле поскрипывают?

Охнул заморский гостюшка матросик, а честно признал:

— Твоя взяла! Без корабликов на земле можно обойтись, а без сапог в море не обойдёшься! Великое твоё дело, Ванюша, хоть и мало кто ценит!

— Да и без твоего дела водицу не одолеть, — уважительно отозвался Ванюша, — а раз у тебя незадача, прими сапоги-скороходы, чтобы до моря веселее дойти. Там, гляди, на море, и девица тебя какая поджидает.

Видит царь Еропка, штаники с колокольцами уплывают, крепко-накрепко дочку за руку держит. А дочка чуть пальчиками шевельнула — и рука уже у друга любезного, Ванюши желанного!

Эх и ударили бараны в барабаны! Эх и задудели утки в дудки! Эх и заквакали собаки! Эх и загагали коты! Эх и поползли раки задом наперёд! Эх и рванули щуки сети! Эх и заломил петушок свой гребешок! Эх и вытаращила глаза коза! Эх и откомарили комарики-сударики камаринскую! Эх и подскочил воробышек, чирикнул:

— Прочь с дороги, разгуляйтесь, ноги!

Развеселился народ на целый год, затеялся пир на весь нашенский мир!

И я там был, сладкий квасок пил да эту сказочку для вас прихватил.

Емельянушка и Настя

Спокойно жил Емельянушка. Сам не волновался, других не волновал. И так ему хорошо было, что и век скоротать в полном покое собирался.

И вдруг повстречалась Емельянушке обыкновенная девушка Настя. Чем уж она взяла за сердце Емельянушку трудно сказать, а взяла. Емельянушка и не хотел, а пошёл к дому Насти.

Сначала шёл весело, а потом и голову повесил, раздумался: «А вдруг Настя будет опаздывать на свиданье? А что если чего доброго когда и совсем не придёт? Нет уж! Зачем это мне такое беспокойство? То думай — не случилось ли чего в дороге, то гадай — не разлюбила ли».

И повернул домой.

Дома Емельянушка покойно спал, степенно гулял, безмятежно на крылечке сидел. Так-то сидел-сидел да и придумал: «Пойду к Насте. Вдруг за меня замуж пойдёт».

Сначала шёл весело, а потом и голову повесил, раздумался: «А вдруг у Насти такой тяжелый характер, что и со свету сживёт? Ну нет уж! Ни к чему такое беспокойство!»

И повернул домой.

Дома Емельянушка покойно спал, степенно гулял, безмятежно на крылечке сидел. Так-то сидел-сидел да и придумал: «Пойду к Насте. Вдруг она уж и свадебный стол затеяла?».

Сначала шёл весело, а потом и голову повесил, раздумался: «А вдруг Настя не меня, а другого ждёт? Ну нет уж! Ни к чему такое беспокойство!»

И повернул домой.

Дома Емельянушка покойно спал, степенно гулял, безмятежно на крылечке сидел. Так-то сидел-сидел да и придумал: «Пойду к Насте. Вдруг подскажет, как мне быть?».

Шёл Емельянушка, шёл, да так до дома Насти и дошёл. Огляделся, а на крылечке и сама Настя стоит. Обрадовался Емельянушка, спрашивает:

— Не меня ли, Настя, ждёшь?

А девушка весело спрашивает:

— Тебе какую Настю, дедушка, надо? Здесь живут бабушка Настя, мама Настя и я, внучка Настя.

Ничего не ответил Емельянушка, охнул только и подумал: «Надо было бы и сегодня с полдороги воротиться. Об одной Насте горевал-горевал, а теперь горюй сразу о трёх!»

Дороги

Много дорог на свете. Самых разных: трудных, весёлых, хитрых. А по какой дороге до счастья дойдёшь, кто подскажет?

Вот так-то думал Ерёмушка, первый парень на селе, когда нечаянно услышал, что в соседнем селе росла-росла и выросла всем на удивление работница, всем на радость заботница Катя-Катюша.

Разохотился Ерёмушка дойти до Катюши, удержу нет. Налегке собрался, сразу прикинул: «На весёлое счастье иду, по весёлой дорожке и шагать надо! И гладко, и сладко, и приятно!»

А если так, вот тебе и весёлая дорожка! Под ноги сама стелется. Иди без слёз, иди без труда, иди без убытков. На весёлой дороге весело! Тут пляши, там пой, а чуть подальше музыка рекой!

И пошёл, и пошёл Ерёмушка! Там попляшет, тут попоёт, здесь на балалаечке струны переберёт. Шёл так, шёл, на овраг наткнулся. Не переехать, не перейти, не переползти.

Заскучал Ерёмушка, да как шёл, так и вернулся налегке домой. Стал думать да гадать, по какой дорожке путь продолжать. Думал-думал, придумал: «Много времени на весёлой дорожке потерял, надо по хитрой дорожке пойти».

И припустился по хитрой дорожке. Тут словчит кочку перепрыгнуть, там смудрит поворот срезать, здесь не на горку, а под горку сноровит. Шёл так, шёл, на болото наткнулся. Не переехать, не перейти, не переползти.

Заскучал Ерёмушка, да как шёл, так и вернулся налегке домой. Стал думать да гадать, по какой дорожке путь продолжать. Думал-думал, голову опустил. Дорожка-то осталась одна: трудная. Гадай, не гадай, а по этой дорожке ступай!

Шагнул Ерёмушка на трудную дорожку — охнул: здесь бугор, тут болото, там овраг! А повидать Катю-Катюшу сердце велит. Или уж и ни на что и не способен?

Поднабрался храбрости Ерёмушка, за лопату взялся. Скоро, нет ли бугор срыл, землю в овраг скинул, платину сделал. А там, где бугор был, поле пшеницей засеял.

От оврага к болоту пошёл — канаву прорыл, из болота воду в овраг спустил. В пруду рыбу развёл, на болоте траву посеял.

Распрямился Ерёмушка посмотреть, далеко ли ещё до села Катюшина осталось, а оно тут, рядышком. И Катя-Катюша на крылечке своего дома стоит да и ласково так говорит:

— Заходи, Еремеюшка, отдохни с устатку, а я корову на твоём лугу попасу, молоком тебя угощу. Пшеницу скошу, муки намелю. В озере рыбы наловлю, пироги рыбные затею.

Вот тебе и трудная дорога! Ищешь одно — найдешь вдесятеро.

Мороз и Зима

После свадьбы Мороз и Зима не жалели ни сил, ни времени, дружно построили ледяной терем, сугробом пышным его прикрыли, украсили весёлыми гирляндами снежинок, ледяными цветами. Комнаты столами, шкафами, лавками забили, шкафы — хрустальными блюдами, серебряными ковшами, тяжёлые поставцы кружками и чашками набили. Богатому терему и богатые наряды! Недоедали, недосыпали — шубы серебряные, ожерелья жемчужные, подвески алмазные приобретали.

А когда всё сделали, оглянулись — ни детей, ни знакомых, ни друзей. Не на кого посмотреть, не с кем словом перемолвиться, некуда сходить. Скучно стало, друг на друга уставились: кто это? Зачем в тереме?

Посмотрел Мороз на Зиму пасмурным днём, сказал с досадой:

— Вырядилась! Я трудился, спину ломал, а на неё любо-дорого поглядеть! Кофта не кофта, платье не платье, шуба не шуба, кругом узорочье алмазное!

Посмотрела Зима на Мороз тучей, охнула:

— Расселся! Я трудилась, руки ломала, а он знай себе стены подпирает!

— Это ты-то работала? — вскипел Мороз бураном. — Убиралась бы подобру — поздорову!

— Уж не ты ли работал? — вскинулась Зима вьюгой. — Убирался бы сам подобру-поздорову!

— И уйду! — рассвирепел Мороз январём. — Только всё своё заберу!

— И уйду, — заметелила Зима февралём. — Только всё своё заберу!

Ну а когда всё врозь — не удержится в стене и гвоздь.

Не стало ни ледяного терема, ни сугроба пышного, ни весёлых снежинок, ни ледяных цветов, ни узорочья хрустального.

Не стало ни самой Зимы, ни самого Мороза.

На просторе в драной шубёнке, в рваных галошах Март стал попрыгивать по мокрому сугробам, пощёлкивать ледяными стекляшками — Весну, озорник, вышел встречать.

Лисичка и зайчонок

Мела лисичка хвостиком по тропинке и вымела себя на полянку. А на полянке — плетень, а за плетнём — огород, а на огороде ежонок землю разрыхляет, козлёнок лунки делает, зайчонок морковку сажает.

Разгорелись глаза у лисички на зайчонка, впору бы и через плетень, да народу на огороде много. Как бы хвостик не оттоптали, как бы лапки не помяли, как бы шубку не сняли!

Осердилась лисичка на такую незадачу, сунула нос в дырку плетня, раздосадовалась:

— И что это ты, зайчонок, такой мягонький, пухленький, лопаухенький, с неотёсанными связался? Ежище того и гляди глазоньки выколет, козлище того и гляди бочок своими рогами проткнёт! А вот меня бы тебе в друзья в самый раз! Я бы тебя мягонькими лапками приласкала — приголубила, пушистым хвостиком позабавила, шубкой тепленькой бы прикрыла!

Зайчонок уши развесил, шажок к плетню да ещё шажок. Охота подробности узнать. А лисичка усы распушила, хвостиком постукивает, от нетерпения подсакивает. И вдруг перед носом — иголки ёжика, рога козлёнка.

Лисичка охнула — ахнула и от плетня её будто ветром сдуло. Опамятовалась в ельничке, тявкнула сердито:

— Вот нахалы! И не продавала, а по шубу наладились! На всех-то где напасть?

Лошадь и слепень

Приспособился слепень на хребте лошади столоваться. Слепень трудится, а лошадь места себе не найдёт.

Не выдержала лошадь и давай по земле кататься. Поломала слепню крылья-ноги, скакнула, побежала пастись налегке.

Слепень очнулся, закричал:

— А ещё говорят, на чужом хребте легко заработать!

Иван и Степан

У Ивана и Степана в проулке между домов колодец был. Иван выкопал, а Степан воду на огород выцеживал.

Однажды утром пришёл Иван с ведёрками, попробовал воды из колодца достать, а там ни капли нет.

— Так, — сказал Иван, — схожу на речку — принесу по ведру воды себе и Степану. Пока суд да дело, а умыться да попить надо.

Ушёл Иван на речку, проснулся Степан, воды было из колодца почерпнуть — нет воды!

— Ну, сработал этот Иван! — расстроился Степан. — Не мог уж поглубже колодец выкопать. Теперь вот вози воду из речки, конягу труди, телегу ломай. А они не чужие, кровные!

Запряг Степан конягу, наладил телегу с бочкой, запыхал к речке. Обогнал Ивана, волос дыбом: чуть Иван своими ведрами первым воду не замутил. Остановился Степан, съязвил:

— Ранний петушок чистенькую водичку на гребешок?

— Ну, зачем одному, — отозвался Иван — и на твою долю ведёрко прихватил.

— И принесёшь?

— И принесу. Мне и одного ведра за глаза хватит.

Дёрнул плечом Степан, никак этого Ивана не переговоришь, стегнул конягу, в пыли исчез.

Переждал Иван, пока пыль уляжется, потихоньку, полегоньку добрался до речки, а к ней не подойдёшь — Степан телегой тропку перегородил, высказывается:

— Оказия! Ведёрко забыл! Не зальёшь бочку? За ведром неохота конягу гонять. Да вдруг ещё запалится?

— Залью, — оглядел Иван здоровенную бочку, — к вечеру как раз и справлюсь.

— К вечеру? — поперхнулся Степан. — Да к вечеру вся капуста изжарится! Не огород нынче, а сковородка!

— Можно бы и пораньше, — согласился Иван, — да одному как же? Кабы и ты воду таскал — к завтраку управились бы.

Что делать Степану? Не пропадать же капусте!

А вечером позвал Иван Степана, лопату дал, объяснил:

— Коняга у тебя не чужая, кровная, телега своя, не чужая. Давай копнём колодец поглубже. Чего тебе каждый день к речке ездить?

Что делать Степану? Не пропадать же коняге и телеге!

На другой день позвал Иван Степана, сказал:

— Помоги, сосед, огород убрать. А то надорвусь, кого позовёшь? Без помощи сам пропадёшь.

Что делать Степану? Не пропадать же самому!

Безрыбья уха

Пришел рыбак на речку, огляделся, подумал: «Пожалуй, надо бы дровишек для костерка запасти. Вдруг только к вечеру наловлю рыбки, как тогда в темноте дровишки искать?»

На совесть рыбак старался. Искал сучья самые сухие. Весь перелесок облазил, а нашёл. Принёс, подумал: «Надо и порубить. В темноте какая рубка?»

На совесть рыбак дровишки рубил. Полешко к полешку, сучок к сучку, щепочку к щепочке. Нарубил, подумал: «Пожалуй, надо и костерок соорудить. В темноте-то, где его соорудишь?» И принялся складывать костерок.

На совесть рыбак укладывал костерок. Бересту к бересте, щепочку к щепочке, полешко к полешку. Уложил, подумал: «Надо бы в котелок водицы набрать, котелок повесить над костром. В темноте-то, где чистой водицы найдёшь?»

На совесть рыбак искал воду. К дальнему лесному родничку не поленился сходить. Водицы принёс, котелок повесил, подумал: «Пока ещё светло, надо водицу слить, картошечкой, лавровым листиком, перчиком заправить. А то в темноте разве сумеешь всё как следует сделать?»

На совесть рыбак заправил водицу. И как раз вовремя! Ночь опустилась. Обрадовался рыбак, что всё до темноты сделал, разжёг костерок. А уж если разжёг, то и в котелке помешивать надо! Помешивал-помешивал да так и сварил супчик. За день-то измотался, проголодался, не утерпел — попробовал. Ох ты! Супчик двойной ухой оказался.

— Смотри-ка ты! — удивился рыбак. — Оказывается, и без рыбы ушица бывает в самый раз.

Детки и табуретки

Жил да был мужичок Табуреткин, а при нём три сынка. Как-то позвал мужичок Табуреткин сынков, сказал:

— Хватит гулять-погуливать, детки, пора вам сделать табуретки! Посмотрим, кто из вас мастак, а кто и вовсе так.

Мужичок Табуреткин созвал соседей, чтобы оценили труд сынков, а детки принялись сбивать табуретки.

Младшенький посмотрел на мужичка Табуреткина, подумал: «Пока суд да дело, и ноги у отца затекут». Стукнул, брякнул — и сбил для отца обыкновенную табуретку.

Уселся мужичок Табуреткин поудобнее на табуретку, поглядывает, как сбивают табуретки старшие сыночки.

А младшенький поглядел на соседей, пожалел: «Сколько времени пройдёт, пока табуретки-то сделаем! А ноги не казённые». И всем сделал по табуретке, вежливо усадил, в сторонку отошёл, чтобы старшим не мешать.

Средненький сынок глядь налево, глядь направо, сообразил: «Будут табуретки-лавочки для подружки Клавочки!» Да из поленьев такую табуретину отгрохал, ух ты! И в глаза поленом бьёт, и занозина глаза дерёт. И пошёл о поленьях и занозине разговор то вразяжку, то вперебор. Языком-то на табуретину не садиться, гляди, не занозится. А средненький козыряет:

— Наша забирает!

Старшенький сынок прикинул: «В том сила, чтоб в глаза бревном била! Вот разгорится сыр-бор, вот пойдёт на всю Ивановскую разговор!» И в два счёта из брёвен такую табуретищу отмахал, что у поглядчиков и глаза на лоб. Дивуются, наперебой голоса:

— Вот это труд! Хоть на такой табуретине и не сидеть, зато уж есть на что поглядеть!

Тут и старшенький в барабан бьёт:

— Не ваша, моя берёт!

Старшеньким — слава, а младшенькому чего?

Покосился мужичок Табуреткин на младшенького, а про младшенького поглядчики — ни словечка.

Да и о чём говорить, когда табуреток не видать? Сидят на них.

Попробовала лиса ухи

На берегу реки варил медведь уху. Лиса подобралась к медведю и носом ширк-ширк! А из котелка такой соблазнительный парок — в глазах так и замелькали жирные карасики, сладкие ершишки, сочные окуньки.

Лиса хвостом верть-верть и тоненько проскулила:

— Потап Потапыч, дай капелюшечку понюхать!

— А понюхай, — буркнул медведь. — Не жалко.
И с половника каплю ухи лисе на язык.
— Ничего ушка, — пропела лиса и придвинулась к медведю. Попритчилось, медведь — мужик простой, можно обвести вокруг хвоста. Поджалась, протянула:
— Дал бы, Потапыч, ложку, а то вроде бы и не распробовала, какова ушка.
— А попробуй, — буркнул медведь.
Зачерпнул ложку ухи, подает лисе.
— Подходящая ушка, — прищелкнула лиса языком. — Дай-ка, Потап, половник, я ещё разок попробую, какова ушка.
— А попробуй, — буркнул медведь.
Зачерпнул половник ухи, подает лисе.
— Хороша ушка! — зажмурилась лиса. — Дай-ка, Потапка, котелок, я не раскушала, какова ушка.
— А раскушай, — буркнул медведь. Снял с костра котелок, подаёт лисе.
— Преотличная ушка! — мотнула лиса головой. — В повара, что ли тебя, безголовый, взять? Пойду поразмыслю на досуге.
— погоди, — буркнул медведь, — дай-ка я тебе, умница, спину поглажу.
— А погладь, — пискнула лиса, потому как увидела — деваться ей некуда.
Погладил медведь лисе спину, буркнул:
— Ничего мех. Дай-ка я тебе, разумница, и бока поглажу.
— А погладь, — проскулила лиса.
Погладил медведь лисе бока, буркнул:
— Подходящий мех. Дай-ка я тебе, умница-разумница, лапы поглажу.
— А погладь, — простонала лиса.
Погладил медведь лапы лисе, буркнул:
— Хороший мех. Дай-ка я тебе, ума палата, хвост поглажу.
— А погладь, — взвизгнула лиса.
Погладил медведь лисе хвост, буркнул:
— Отличный мех! Дай-ка я уж всю твою шубу на воротник примерю. Может, твоя шуба повежливее будет, горло от остуды обережёт.
Не успела лиса охнуть-ахнуть, вытряхнул её медведь из шубы.
Добралась лиса кое-как до дома, от досады заревела, новую шубу шить засела.
Не без шубы же ходить.

Спрятал

Однажды шёл Федот из одной деревни в другую. А дело осенью было. Замёрз Федот, костерок разжёл. Маленький, как раз полый плаща от дождика прикрыть. Приладилась к огоньку, поглядел на дорогу, охнул: по дороге прохожий идёт.

«Э-э, прохожий, ещё чего доброго погреться попросит, — с досадой подумал Федот. — А мне и самому не хватает!» Схватил угли, ссыпал их в карман плаща. Прохожий подошёл, удивился.

— Я видел, будто ты у костра сидишь, а погреться не мешало бы.
— Какой там огонь! — отмахнулся Федот. — Сам дрожу.
Федот ждёт, когда прохожий уйдёт, а тот — своё:

— Ну тогда давай моим плащом прикроемся да разведём костерок.
И только было хотел на Федота накинуть плащ, как у того вспыхнули карманы.
Прохожий сорвал с Федота плащ, затушил огонь, осмотрел дырявый плащ, головой покачал:
— Милый, в карман только совесть прячут, не огонь.

Через дорогу

Жили-были два соседа — Михаил и Гавриил.
Надумал как-то Михаил сходить в гости к Гавриилу. Совсем уж было собрался, да прикинул:
— А чего это мне через дорогу шагать и каблуки сбивать? Надо Гавриилу, пускай сам ко мне придёт. Чего-чего, а уж знатной беседой угощу.
Надумал как-то Гавриил сходить в гости к Михаилу. Совсем уж было собрался, да прикинул:
— А чего это мне через дорогу шагать и каблуки сбивать? Надо Михаилу, пускай сам ко мне придёт. Чего-чего, а уж знатным разговорчиком угощу.
Так вот и живут, друг друга в гости ждут.

Липка

Однажды спасались путники от жары в тени липки и от нечего делать соображали:
— Яблоня — дерево полезное, яблоки даёт. Яблочка бы сейчас.
— Вишня — дерево полезное, вишни даёт. Вишенки бы сейчас.
— Слива-дерево полезное, сливы даёт. Сливки бы сейчас.
Разохотились на фрукты, оглядели липку, и все в один голос:
— И к чему эта бесполезная липа торчит? Ни яблочек, ни вишен, ни слив!
Дождались, когда жара спала, и недовольные разошлись кто куда.

Грибная полянка и грибники

Когда на грибную полянку приходил один грибник, грибная полянка приглашала:
— Приходи ко мне ещё!
Когда на грибную полянку вслед за первым грибником стали приходить десять, грибная полянка ворчала:
— Носит их тут!
Когда же на грибную полянку пришли сто грибников, грибная полянка охнула и ничего не сказала.
Только с той поры не стало ни грибов, ни грибной полянки, ни грибников.

Привычка на привычку

Змея стащила из гнезда соловья яйцо и поползла к себе в нору. А навстречу ежишка. Змея выронила яйцо и злобно уставилась на ежишку.

— Та-ак, прищурился ежишка, — значит, таскаем яйца?

— Беда, — прошипела змея, — беда с этой моей привычкой! И не хотела, а понесло в гнездо!

Ежишка откусил голову змеи, фыркнул:

— Вот же привычка — коротко с ворами разговаривать! Так и не успел предупредить нахалку, что по чужим гнёздам лазить не след.

Волк в капкане

Попал Серый кум ногой в капкан. Ни встать, ни сесть, ни дух перевести. Шла мимо Рыжая кума. Увидела Серого кума, чуть не у его носа хвостом трянула.

— Ты чего это, кум, капкан караулишь? — спрашивает. — Давно пора зайцев ловить.

— Я бы и рад, да ногу капкан держит! — простонал Серый кум.

— Ф-фу, какой чудак! — усмехнулась Рыжая кума. — Вот уж не гадала, что ты из-за какой-то там ноги себе в ужине откажешь.

Сорока-защитница

Поймали на опушке собаки волка с овцой на загривке, а сорока уже на сучке и стрекочет:

— Вот бессовестные! Целой стаей на одного! А что он сделал такого? Да ничего! Волк, видите ли, овцу потащил! А сама овца где была? Кто её просил на шее волка виснуть? Никто!

Собаки хвосты опустили, стали размышлять, что да как. А волк приободрился, растолкал собак, огрызнулся:

— Ну вы, шавки, слышали? Чем я виноват, если овца сама на шее виснет?

— Ты прав! — опомнилась одна из собак. — Ты не виноват, повинна твоя шея. Вот мы её и свернём, чтобы овцам соблазна не было на неё зариться!

Как быть?

Волку бы и разгуляться в лесу, да лось то и дело дорожку переходил. Надоело волку лось остерегаться, взвыл:

— И чего рогами пугаешь? Нет бы снять! Обнялись бы, поцеловались, потолковали бы о том о сём!

— Можно бы, — согласился лось, — если бы ты ещё и зубы убрал.

— А как без зубов есть? — удивился волк.

— А как без рогов жить? — усмехнулся лось.

Бочонок мёду

Тащил мужик бочонок мёду, кряхтел, ругался:
— Пока дорога к дому подойдёт, меня этот бочонок со свету сживёт!
Повстречался прохожий, услышал ругань, сказал:
— Давай поедим мёду, совет тебе дам.
Мужику и мёду жалко, и совет охота получить. Охал-ахал, рукой махнул:
— Куда ни шло! Гляди, не так уж много съедим.
— Не обижу, — усмехнулся прохожий. Достал себе ложку, мужику половник дал.
— На базар нёс, да уж ладно. Для хорошего дела не жалко.
Сели на обочине, едят мёд. Прохожий раз почерпнёт, мужик два раза норовит почерпнуть, чтобы прохожему поменьше досталось. А прохожий поел мёду, сказал:
— Как вспомнишь, что свой мёд у самого же себя половниками глотал, легче будет бочонок нести.
И ушёл. Мужик свою дорогу начал мерить. Да как дошло до него, что пустой бочонок несёт, захохотал. Так и домой пришёл.
— Ты чего? — удивилась жена. — Чего смешного, что такой тяжёлый бочонок нести пришлось?
— Какой там тяжёлый! — хохочет мужик. — В нём больше смеху, чем мёду!

Грозный заяц

Надоело зайцу по кустам лазить, петлять да скидки делать. Задумал на просторе пожить. Уши торчком, глаза скосил, зубы оскалил, усы распушил — и шасть к лисе! Взвизгнул:
— Ты меня знаешь?
Лиса нос в хвост, подумала: «А кто его знает? Может, за ним волк?» Залебезила:
— Знаю, голубчик, знаю!
Надоело зайцу по кустам лазить, петлять да скидки делать. Задумал на просторе пожить. Уши торчком, глаза скосил, зубы оскалил, усы распушил — и прыг к волку! Взвизгнул:
— Ты меня знаешь?
Волк морду отворотил, подумал: «А кто его знает? Может, за ним медведь?» Залебезил:
— Знаю, орёл, знаю!
Надоело зайцу по кустам лазить, петлять да скидки делать. Задумал на просторе пожить. Уши торчком, глаза скосил, зубы оскалил, усы распушил — и скок к медведю! Взвизгнул:
— Ты меня знаешь?
Медведь лапу в рот, подумал: «А кто его знает? Может, за ним лиса да волк?» Залебезил:
— Знаю, хозяин, знаю!
Заяц — грудь колесом, подбоченился, поскакал вдоль да по лесу, подмигнул сороке:
— То-то! А ты думаешь, почему зайцы не переводятся?

Черепашка

Утром черепашка собралась на полянку. Послушать птичьи песни, поиграть с кем-нибудь. Да, пока шла, притомилась, надумала передохнуть. Спрятала голову под панцирь, чихнула, вздохнула и сладко заснула.

А на полянке дрозд поёт, воробей чирикает, сорока стрекочет, белка по веткам скачет, барсук листьями шуршит, заяц по пеньку барабанит. Такой шум-трезвон — хоть с полянки вон.

Шумели-трезвонили весь день, а чуть солнце на закат — по домам разлетелись и разбежались.

Вечером черепашка проснулась, высунула голову, прислушалась, огляделась, закапризничала.

— Ну и полянка! Ни одной живой души. И чего тащилась? Такого-то и дома в достатке!

Индюк

А что? — бурлыкнул однажды индюк. — Если какой-то там орёл полётывает, то и я смогу! Крылья у меня не хуже орлиных, а по дородности ему до меня далеко! И вообще, чем это я не орёл?

Взобрался на крышу сарая, тряхнул крыльями — и кубарем на землю.

Когда индюк опаматовался от удара, он встал, отряхнулся, надулся, пробормотал:

— Однако ж летаю!

Волк и яма

Шёл волк мимо ямы. Заглянул, а там лиса.

«Вот и обед мне!» — обрадовался волк и спрыгнул в яму.

Без долгих разговоров волк пообедал, вздремнул, а под вечер собрался дальше идти. А из ямы — никак.

— И как же это я не спросил лису, как из ямы выбраться?

Кто виноват?

Однажды утром Анютина левая нога взяла, да и первой соскочила с кровати на пол. Соскочила, топнула, завопила:

— Не хочу идти в детский сад!

Анюта подумала: «А что?» и заревела:

— Не хочу в детский сад!

Мама посмотрела на папу и спросила:

— Что делать?

Папа посмотрел на маму и сказал:

— Раз Анюта не хочет, и левая нога не хочет — как одна правая нога поскачет в детский сад? Пуская все трое посидят дома. А будильник попросим с ними побыть.

— Так-так, — отстукал будильник, — только так.

Мама и папа ушли, Анюта села за стол, как привыкла в саду, а на столе пусто. Ничего на стол само не подаётся. Анюта — к буфету, а там конфеток нету, Анюта — к окошку, а там ни крошки!

— Я есть хочу! — захныкала Анюта. — Это ты виновата, противная левая нога, что я не в садике!

— Нет, это ты виновата! — затопала левая нога. — Я не знала, а ты знала: в детском саду дают завтрак!

— Так-так, — пошевелил усами будильник. — Так-так, интересно!

— Мне ску-учно! — заныла Анюта. — Это ты виновата, противная левая нога, что я не в садике!

— Нет, это ты виновата! — затопала левая нога. — Я не знала — а ты знала: в детском саду друзья танцуют, рисуют, играют, поют!

Что сказать Анюте? Нечего сказать. Молчит Анюта, молчит левая нога, молчит правая нога, а будильник потихоньку тиктакает:

— Тик-так, вот так! Сидят — глядят, а кто виноват!

Иголka и нитка

Однажды Анюта порвала у куклы Маши платье. «Это не беда, — подумала Анюта. — Я да и не сумею зашить дырку? Сколько раз видела, как мама зашивала на моих платьях дырки».

Взяла Анюта иголку, взяла Анюта нитку. Стала Анюта вдевать нитку в ушко иголки. Вдевала-вдевала, не вдела. Стала Анюта ушко иголки надевать на нитку. Надевала-надевала, не надела.

— Не везёт нам с тобой, Маша! — вздохнула Анюта. — Ничего у этих друзей не получается. То нитка толстая — в ушко не лезет, то ушко узкое — нитку не пропускает.

Рука устала

Ерёмушка, как только учительница собиралась проверить, кто выучил урок, сразу же поднимал смело руку. Дескать, учительница увидит протянутую руку — подумает, что он выучил урок.

А учительница однажды взяла да и сказала:

— Ну, раз руку поднял, иди к доске.

— Я? — захныкал Ерёмушка. — А как же я буду писать? У меня рука устала!

На тройках

Девочка попросила у мальчика санки, чтобы прокатиться с горки. Мальчик пожадничал и не дал санок. Девочка, чтобы ей не так было обидно, сказала:

— Ну и не надо мне твоих санок! Я в каникулы каталась на тройке. И бубенчики были, и красный кушак на ямщике!

— Подумаешь, — сморщил нос мальчик. — Мой брат в школе на тройках каждый день катается и то не хвалится!

Горох Горохович

Однажды задумал древний царь Горох Горохович жениться на молоденькой принцессе Горошинке. И стал потому Горох Горохович, как глаза продерёт, в зеркало свою бородёнку разглядывать, шута своего, Василька, выпрашивать:

— А хороша у меня борода? А? Понравится моя борода принцессе Горошинке? А?

— Борода у тебя преотличная! — смеётся Василёк. — Не борода, а прямо венником венник! А вот в голове у тебя, точно не хватает одной малой малости, если ты вдруг да задумал свататься к молоденькой Горошинке!

Такие-то речи царь Горох Горохович слушал-слушал да и как топнет ногой: — Пошёл вон, а то голову срублю!

— Э-э, с тобой равняться нет резона, — шмыгнул Василёк на кухню. А на кухне разогнал поваров и поварят да такие щи сварил — у Гороха Гороховича нос в струнку вытянулся, в кухню залез.

— Ох, Вася-Василёк! — застонал Горох Горохович. — Хоть бы ложечку, хотя бы две!

Василёк не заставил себя долго ждать и — хлоп на стол полную миску ароматных, густых, наваристых щей. Горох Горохович хлебнул щей и застонал:

— Соли, почему в щах соли нет?

— Как нет? — ухмыльнулся Василёк. — Я положил соли ровно столько, сколько у тебя ума!

Сватался воробушек

Сватался воробушек
К пташке-вороне,
Пригласил невестушку
В новые хоромы.
Из ветров дубовых
Те хоромы сбиты,
Дождичком хоромы
Весело покрыты.
Посадил ворону
Воробушек на место,
Приволок вороне
Пирогова теста.
Курица взлетела,
Сени обломила,
Бедная ворона
Тесто обронила.
Воробушек боком,
Скоком от вороны:

Где ж с такой разиней
Уберечь хоромы!

Таракан

Воробей дрова рубил,
Ворон по воду ходил,
Воробьях печь топила,
Ворониха щи варила.
Таракан в углу лежал,
Всласть на пёрышке дремал.
Дескать, что мне ноги бить
Или там дрова рубить?
Дело знает сила наша:
Будут мне и щи, и каша!
Скоро, нет ли — ворониха
Щи из печки тянет лихо.
Таракан усы расправил,
Все четыре стула занял.
Это что ещё за вор
На добро чужое скор?
Воробей без разговору
По заливку стукнул вора.
Не теряя времечка,
Ворон вора — в темечко.
Воробьях — по шеям,
Ворониха — по усам:
На чужой каравай
Рта не разевай!

Дед да баба и курица Ряба

Жили-были дед да баба,
Была у них курица Ряба.
Год кормил дед курицу,
Два кормила баба разумницу.
А у курицы всё причина:
Не несёт курица яичко.
То решето вроде бы дыряво,
То на кухне вроде бы тесно.
На третий год деду с бабой
Говорит важно курица Ряба:
— Так уж и быть, снесу вам яичко
Костяно, мудрено,
Кручено, мало,

Пестро, остро,
Без сучка и задоринки.
Да не в кухне в решете,
А на столе в горнице.
И снесла курица яичко,
Да и впрямь не простое —
В одной квашне
Два теста,
А никак не смешаются.
Бежала мышка по столу
В осиновое дупелко,
В угол под печку.
Хвостиком махнула,
Яичко задела.
Яичко покатилося,
На пол упало,
Вдребезги разбилось!
Стал дед плакать,
Баба рыдать,
Ставни хохотать,
Курицы летать,
Ворота скрипеть.
Сор под порогом закурился,
Двери покривились, плетень развалился.
Кума тесто месила,
Всё тесто по полу разметала,
В поле побежала, мужиков подняла:
— Ничего-то вы, умники, не знаете!
У деда с бабой курица Ряба
Снесла яичко
Костяно, мудрено,
Кручено, мало,
Пестро, остро,
Без сучка и задоринки.
Да не в кухне в решете,
А на столе в горнице!
Бежала мышка по столу
В осиновое дупелко,
В угол под печку.
Хвостиком махнула,
Яичко задела.
Яичко покатилося,
На пол упало,
Вдребезги разбилось!
Стал дед плакать,

Баба рыдать,
Ставни хохотать,
Курицы летать,
Ворота скрипеть.
Сор под порогом закурился,
Двери покривились, плетень развалился!
Мужики с поля да на завалинки.
День толкуют, два калякают,
На третий приговор кладут:
— Да пропади оно всё пропадом,
Если у деда с бабой курица Ряба
Снесла яичко
Костяно, мудрено,
Кручено, мало,
Пестро, остро,
Без сучка и задоринки.
Да не в кухне в решете,
А на столе в горнице!
Бежала мышка по столу
В осиновое дупелко,
В угол под печку.
Хвостиком махнула,
Яичко задела.
Яичко покатилося,
На пол упало,
Вдребезги разбилось!
Стал дед плакать,
Баба рыдать,
Ставни хохотать,
Курицы летать,
Ворота скрипеть.
Сор под порогом закурился,
Двери покривились, плетень развалился!
Не посеяно просо,
Не посажена капуста,
Нет щей и каши,
Нет в печке хлеба,
Нет деда да бабы,
Нет курицы Рябы,
Нет мышки,
Избы как не бывало,
Кумы да мужиков не стало, —
Одна сорока похаживает,
Сказку приваживает,

— Жили-были дед да баба,
Была у них курица Ряба...

Жил у бабушки козёл

Тридцать и три года,
Тридцать и три дня,
Тридцать и три часа,
Тридцать и три минуты,
Тридцать и три секунды
Жил у бабушки козёл.
Он капустой, рьян и смел,
На всю улицу хрустел.
Бородою потрясал,
Кочерыжками играл.
От козла нет молока,
Зато сила велика.
От того-то наш козёл
Речи бойкие повёл:
— Что мне, бабушка, капуста?
Чтоб капусте было пусто!
Ты пусти меня в лесок, —
Я тебе не шерсти клочок,
Или я козлом не буду,
Волчью шубу раздобуду!
Чтоб соседи зарыдали,
Из овчин повылезали!
Пошёл козёл дорогою,
Пошёл храбрец широкою.
Поплясывает,
Поскакивает,
Веселёхонек, вокруг поглядывает.
А навстречу козлу
Да и заюшка,
Да и серенький.
Глаза вылупил,
Взвизгнул тоненько:
— А ну, прочь пойдёшь,
А то зайцев сейчас
Понаскочит сюда видимо-невидимо!
Огляделся козёл,
Принахмурился,
Кочерыжку обронил,
Головой замотал,
Бородой затряс, словно веником,

Ногами застучал, словно ступами:

— А к чему мне, силушке,

Этот заюшка,

Этот серенький?

И всего обдерёшь,

А шубы не сошьёшь!

Сказано, тому и бывать —

Пойду волчью шубу добывать!

Пошёл козёл дорогою,

Пошёл богатырь широкою.

Поплясывает,

Поскакивает,

Веселёхонек, вокруг поглядывает.

А навстречу козлу

Да и лисонька,

Да и рыженькая.

Хвостом махнула,

Грубым голосом закричала:

— Прочь с дороги, мужик,

А то палкой попотчую,

Ежа за ворот пущу!

Огляделся козёл,

Принахмурился,

Кочерыжку обронил,

Головой замотал,

Бородой затряс, словно веником,

Ногами застучал, словно ступами:

— А к чему мне, силушке,

Эта лисонька,

Эта рыженькая?

И всю обдерёшь,

А шубы не сошьёшь!

Сказано, тому и бывать —

Пойду волчью шубу добывать!

Пошёл козёл дорогою,

Пошёл богатырь широкою.

Поплясывает,

Поскакивает,

Веселёхонек, вокруг поглядывает.

А навстречу козлу

Да и волченька,

Да и куценький.

Огляделся козёл,

Принахмурился,

Кочерыжку проглотил,
Головёнкой замотал,
Бородёнкой затряс, словно веничком,
Ножонками застучал, словно ступочками:
— А к чему мне, козлу,
Этот волченька,
Этот куценький?
И кругом обойдёшь,
А шубы не найдёшь!
Надо бы грубияну знать —
Шубу цельную иду добывать!
И в стороночку
Да за ельничек:
Дорожка, дескать, пыльная,
А в ельничке ни пылиночки!
А волченька ухватил козла
Поперёк живота
Да и вытряс из шубы
С присказочкой:
— Далеко ж ты, козёл,
За шубой пошёл!
Мне забота теперь —
Шубу бабке волочь.
Уж не мог, балда,
Шубу дома оставить!

Советы старого журавля

Старый журавль долго стоял на одной ноге и задумчиво смотрел на широкое озеро, на высокие камыши, на белые облака, которые плыли и плыли по бесконечным голубым дорогам.

Иногда журавль улыбался. Тогда, когда смотрел на журавку. Тот смешно вскидывал длинные ноги, взапуски бегал по островку и громко щелкал клювом. Журавка был очень молодым и потому бегал и бегал, веселился и веселился. Но жизнь — не только веселье, не только солнце. Бывают и грозы, бывают и слезы.

Старый журавль осторожно щёлкнул клювом и подозвал журавля к себе.

— Сынок, — сказал он тихо, — я уже стар и не знаю, сумею ли этой осенью долететь до тёплых стран. А тебе придется не один раз преодолевать великий и трудный путь, добывать себе еду, растить журавлят. Поэтому я хочу тебе дать несколько советов. Если ты о них будешь помнить, то сумеешь долго прожить и передать их своим детям.

Старый журавль строго взглянул на журавку, чья жизнь стала повторением его жизни, вздохнул и сказал:

— Слушай!

Облако

Облако всю свою жизнь носилось из стороны в сторону, гроыхало, сверкало молниями и похвалялось, что его тень всегда бежит по земле.

Но не стало облака, исчезла и тень.

Пустая жизнь, что тень от облака, — промелькнет и не оставит следа.

Не проси

Заяц убегал от лисы. На пути ему встретился глухарь и он попросил у него помощи. И это была его последняя ошибка. Он потерял время и лиса настигла его.

Один осёл попросил однажды крота проводить его, осла, через лес. О том осле с тех пор ничего не слышно.

Если ты будешь нуждаться в помощи, не обращай к глухарю — он тебя не услышит. Не проси крота указать тебе путь — он ничего не видит.

Бескрылый

Осенью журавли стали готовиться к отлету в теплые края. Молодой журавль сказал:

— Пусть остальные помашут крыльями, а я половлю лягушек.

В один из дней журавли поднялись и тронулись в путь.

Молодой журавль крикнул:

— Постойте! А как же я?

Он хотел подняться и не смог. Крылья изнежились и отяжелели без работы.

Вместо того, чтобы признать свою ошибку, молодой журавль стал обвинять в своем одиночестве стаю.

Легче обвинять, чем делать.

Поспешил

Ежишка видел, как ёж свернулся клубком, лиса укололась, взвизгнула и убралась в кусты.

«Как просто!» — подумал ежишка и, когда лиса наткнулась на него, он не убежал, а свернулся клубком.

Лиса на этот раз не укололась. У ежишки иголки были мягкими. Он не подождал, пока они станут крепкими.

Подражай, но соображай.

Полет

Как-то один журавль посмеялся над тем, что у орла короткие ноги. Это ему дорого обошлось, так как он не сумел обогнать орла в полете.

Не суди о достоинствах птиц по длине своих ног. Суди о достоинствах птиц по их полету.

Хороший друг

Однажды щука схватила кулика за ногу и потащила его на дно озера. Журавль посоветовал кулику тянуть щуку на берег. Но щука оказалась сильнее кулика. Ему хороший совет не помог бы, если бы журавль тут же не схватил щуку.

Хорошим другом можно считать того, кто даст дельный совет. Но лучший друг тот, кто и поможет тебе.

Знание

Когда в детстве я перелетел через озеро, я посчитал себя гением, способным покорить все заоблачные высоты. Когда в юности я проделал трудный путь от нашего озера до Египта, я сказал себе, что я все-таки не без таланта. Когда же мне предстояло самостоятельно провести стаю от Египта до нашего озера, я подумал: «А найдутся ли у меня на это способности?»

Чем больше ты узнаешь, тем меньше тобой сделанное.

Не показывай

Однажды лиса познакомилась с журавлем. Журавль попался словоохотливый и рассказал лисе, что у него вывелись птенцы. Лиса сделала вид, что вырывает шерсть у себя с груди и завопила:

— Голубчик! Ночи нынче холодные! Возьми мою шерсть и подстели птенцам!

Журавль растрогался и тотчас заявил, что гнездо у него теплое. Но лиса не успокаивалась. Тогда журавль привел её к своему гнезду, чтобы убедить в своей правоте и успокоить.

На другой день гнездо оказалось пустым, а лиса исчезла.

Если лиса захочет с тобой дружить, не показывай ей своего гнезда. Она съест твоих птенцов. Это её пища.

Клюв

Однажды молодой журавль вышел на самостоятельную охоту. Но сколько ни пытался, не мог добыть себе обеда. Клюв не попадал в то место, где находилась рыба или сидела лягушка. В конце концов журавль сказал:

— На охоте слишком длинный клюв — вещь бесполезная. Пока я его поднимаю, пока опускаю, добыча ускользает.

Он не догадывался, что не клюв приносит пищу, а ум.

Разговор

Однажды лиса сказала одному журавлю: «Твой сосед такое про тебя говорит, уши вянут!»

Другому журавлю лиса сказала: «Если бы слышал, что про тебя болтает сосед!»

Журавли рассердились друг на друга, а не на лису. И напрасно. Лиса их по одиночке съела.

Сплетня убивает.

Пугало

Случилось так, что на огороде появилось пугало. Птицы подумали, что это человек и стали пугало облетать стороной.

Но однажды ветер сорвал с пугала лохмотья, и оказалось, что это всего-навсего две палки. Однако воробьи прочирикали: «Так-то так, а кто его знает?» А вороны каркнули: «А вдруг пугало нарочно душу нараспашку?»

Бойся не пугала, а привычки его бояться.

Необычное

Как-то в рощу залетела белая ворона. Это было так странно, что серые вороны начали гнать её из своей стаи. Они били белую ворону, гонялись за ней, но та не отставала от стаи.

Вскоре серые вороны приутомились и оставили белую в покое. А потом перестали обращать на неё внимание.

Через несколько дней, чтобы точнее сказать, из какой они стаи, серые вороны говорили: «Мы из той стаи, где белая ворона».

Никогда не отталкивай нового.

Что важнее

Змея любит тепло. А теплее всего на груди. Вот почему змея старается прижаться к груди. Но змея и завистлива. Она не может примириться с тем, что другие, а не она имеют тепло. Поэтому змея зла и ядовита. Каждого, кто её пригреет на своей груди, она норовит ужалить.

Если ты увидишь змею, не спрашивай, куда она ползет. Это не так уж и важно. Важно вовремя схватить её за шею.

Колючки

Молодой журавль глотал ершей с головы и считал, что у ершей нет колючек. Однажды по нечаянности молодой журавль попытался заглотнуть ерша с хвоста. Колючки растопырились и впились в горло. Старый журавль вытянул ерша из горла молодого журавля и сказал:

— Если ты чего не знаешь, то это не значит, что этого нет.

Любопытство

Любопытный журавль совал свой нос во все норы. Как-то раз он сунул нос в лисью нору. Правда, лиса клюв есть не стала, но это уже пустяки.

Длинный нос у тебя для того, чтобы искать в озере пищу, но не для того, чтобы попусту совать его куда не следует.

Опыт

Молодой журавль пообещал журавке, что сумеет прокормить птенцов. Но оказалось, что еды надо было много, а опыта у молодого журавля было мало. Журавка не вытерпела и прогнала журавля.

Молодой журавль всем и каждому стал доказывать, что если бы журавка дала ему время, он бы научился кормить птенцов.

— Пока ты будешь набираться опыта, птенцы погибнут, — возразил ему старый журавль, — сначала наберись опыта, а потом иди в кормильцы.

Не берись за дело, которого не знаешь.

В стае

Молодого сильного журавля вожак назначил лететь позади опытных журавлей, но впереди слабых. Однажды молодой журавль подумал: «Я-то нужен, а нужны ли мне впереди летящие?» И вылетел из строя. Ветер его подхватил, смял, поломал крылья и бросил на землю.

Ты нужен, если тебе нужны другие.

— Да-а, легко давать советы! — нетерпеливо воскликнул журавка, которому хотелось побегать и пощелкать клювом.

— Сынок, — усмехнулся старый журавль, — ещё легче советы забывать, чего не следовало бы тебе делать, если ты хочешь летать не вниз, а вверх.

И он отпустил журавку.

Глубина

Однажды набрело стадо на маленького бычка. Старый бык остановил стадо и стал помогать бычку подняться на ноги. Это сделать ему удалось. Прошло время. Бычок вырос и окреп.

Старый бык как-то раз споткнулся, упал и не смог сразу встать. Молодой не поторопился на помощь. Он посмотрел насмешливо на старого быка и горделиво сказал:

— Я молодой, сильный, быстроногий! Мне надо водить стадо!

— Хорошо, веди, — вздохнул старый бык, — мое время прошло. Но помни, густой болотной травой не прельщайся.

Молодой с досадой подумал: «Старый хочет, чтобы я всегда на всё смотрел его глазами! Ну, нет, я найду густую болотную траву, и она будет моей!» И повел стадо на поиски болота. Скоро, нет ли, он и правда увидел в лощине густую сочную траву и кинулся к ней. Но не успел сорвать и былинку, как провалился по самую шею.

— Помогите! — истошно заревел молодой бык.

— Теперь это сделать поздно, — горько сказал старый бык. — Тебе надо было сначала измерить глубину моего ума, а потом уж измерять глубину своего болота.

Кто ж правду не любит

Бежал заяц по дорожке и повстречал ежа.

— Ёж, — просит заяц, — ты из рожи идешь, скажи: у меня дома ничего не случилось?

Еж в ответ:

— А ты правду любишь?

— Кто ж правду не любит?

— Ну, так знай — съела лиса твоих зайчат.

Заплакал заяц:

— Зачем ты, ёж, так сразу мне про зайчат сказал? Зайчиха о них стороной бы рассказала, сразу бы не пугала!

Ёж в ответ:

— Ты правду любишь?

— Кто ж правду не любит?

— Ну, так знай — съела лиса твою зайчиху.
Заплакал заяц:
— Зачем ты, ёж, так сразу мне про зайчиху сказал? Пришел бы я домой, соседи бы о зайчихе стороной бы рассказали, сразу бы не пугали!
Ёж в ответ:
— Ты правду любишь?
Не дослушал его заяц, вскинулся:
— Не нужно мне твоей колючей правды!
И домой помчался.
А ёж хотел ему сказать, что лиса самого зайца под кустом дожидается.

Жил да был камень

Однажды в жаркий полдень подбежал ручей к заспанному камню — искупать и напоить. Жалко его стало ручью. Торчал камень в степи одиноко, пропылился весь, растрескался.

Бился-бился ручей около камня, а бестолку. Камень и не думал шевелиться.
Обиделся ручей, свернул в сторону, прожурчал:
— Смотри, камень! Друг уйдет, беда придет!
А камень сонно пробурчал:
— Знать бы тебе надо: под лежащий камень вода не течёт! И нечего приставать со своими глупостями!

А после полудня поднялся жаркий ветер, забегал по полю, а камень мешал. Ветер сгоряча то и дело обдирал о камень свои тугие бока. Обдирал-обдирал, обозлился. Какой-то камень и мешает бегать!

Собрал ветер все свои силы, обдал камень жаром, ударил с плеча. Не выдержал камень, лопнул. Одно и успел прошелестеть:

— Остудить бы!

И рассыпался.

Жил да был камень. Тот, под который вода не течёт.

Успеется

Жили-были старик со старухой.

Весной старуха говорит старику:

— Старик, надо бы починить печку, прохудилась. А то придет зима, пропадём!

Старик побряхтел-побряхтел, почесал затылок, отмахнулся:

— Печку-то? Успеется! Авось, зима не скоро придёт.

Наступило лето. Старуха говорит старику:

— Старик, надо бы починить печку, прохудилась. А то придет зима, пропадём!

Старик побряхтел-побряхтел, почесал затылок, отмахнулся:

— Печку-то? Успеется! Авось, зима не скоро придёт.

— Наступила осень. Старуха говорит старику:

— Старик, надо бы починить печку, прохудилась. А то придет зима, пропадём!

Старик побряхтел-побряхтел, почесал затылок, отмахнулся:

— Печку-то? Успеется! Авось, зима не скоро придёт.

А зима тут как тут. Старуху из дома выгнала, старика к печке приморозила. Одно и успел сказать:

— И куда эта зима торопится?

Мышонок и мешок

Кто-то обронил на лесной поляне мешок гороху. Натолкнулся мышонок на мешок, обрадовался. Гороху столько, на всю зиму хватит, да ещё и останется! И давай горох в кладовку таскать. Таскал-таскал, к вечеру уголок кладовки засыпал, огорчился: «Целый день носил, а засыпал всего ничего! Возьму мешок, да сразу и перенесу!»

Стал мышонок мешок поднимать, а мешок — ни с места. Сел мышонок, пригорюнился. На ночь оставить мешок, как бы кто горох не растащил. Смотрит, через полянку медведь к малиннику идет. Засуетился, окликнул:

— Отец, помоги мешок на плечо кинуть!

— Не донесешь, — буркнул медведь, — не по силам работу ломишь.

— А тебе какая печаль? — пискнул мышонок, — не твой мешок, не твои плечи.

Примерился медведь к мешку, скребнул за ухом.

— Ладно, держи!

Мышонок подставил плечо. Медведь поднатужился, крикнул, поднял мешок, опустил на плечо мышонку.

Вечером возвращался медведь домой, смотрит, мешок по-прежнему на полянке лежит, а из-под мешка мышиный хвостик торчит.

Помотал головой медведь, пробурчал:

— Ишь, ты! Всё примеривается!

Порадовался тишине

Карась в озерце жил в три силы. А как же! Пёрышком с окунем летал наперегонки, стрелой с голавлем летал наперегонки, пулей со щукой летал наперегонки. Весёлый, быстрый, живой!

И все было бы, как надо, да однажды, когда удирал от окуня, карась нырнул в ил до самого дна. Здесь отдышался, отлежался, порадовался тишине, сказал:

— А хорошо, если бы не было окуня!

— Услышала щука карася, подумала: «А к чему окунь? Только мешает!»

И не стало окуня.

Вылез карась из ила, огляделся, сообразил: нет окуня! И стал плавать потише.

И все было бы, как надо, да, однажды, когда удирал от голавля, карась нырнул в ил до самого дна. Здесь отдышался, отлежался, порадовался тишине, сказал:

— А хорошо, если бы не было голавля!

— Услышала щука карася, подумала: «А к чему голавль? Только мешает!»

И не стало голавля.

Вылез карась из ила, огляделся, сообразил: нет голавля! И стал плавать потихоньку.

И все было бы, как надо, да, однажды, когда удирал от щуки, карась нырнул в ил до самого дна. Здесь отдышался, отлежался, порадовался тишине, сказал:

— А хорошо, если бы не было щуки!

Услышал рыбак карася, подумал: «А к чему щука в озерце? Только мешает!»

И не стало щуки.

Вылез карась из ила, огляделся, сообразил: нет щуки! И перестал плавать. Обессилел, потихоньку в ил опустился. Да все глубже, глубже. Опускался, сонно бормотал:

— Тише, тише, тише.

И не стало карася.

Где баран, там и изъян

Забежала голодная лиса в деревню. Туда-сюда носом потыкала, нигде нельзя пролезть. Ворота крепкие, хозяева строгие. Там Барбос, тут Котофей, а соседом у них гусь-злодей. Ни днём, ни ночью не спит. Как ни раскидывай умом, ни полпёрышка куриного не урвешь. Впору и убираться из деревни по добру, по здорову.

Лиса было и пробежала последние ворота, да со всего хода затормозила, глаза по ложке. Батюшки! В окошке не кто иной, сам баран Тимошка красуется! Вот уж где и миска, и ложка, и куриная ножка! И лиса без долгих разговоров забарабанила в ворота.

— Эй, хозяин! Иди на улицу!

Вылез баран к воротам, глядит в щёлку, позёвывает.

— Чего ты?

— Как чего? Не надо ли, говорю, у куриц пух-перо пересчитать? Может, пора и перину набивать? Где лету конец, там и зимы начало не за горами! Как без перины зимой-то?

Надо бы перину, — протянул баран, — на лавке без перины, беда. На боках мозоли набил. Да ты, может, за пересчет целую курицыну голову запросишь?

— Это я-то? — засуетилась лиса, — да ты что, в уме? Да я на курицыну голову и смотреть не желаю! Всего-то мне и надобно с перышка по крылышку, с пушинки по ножке. А головы мне зачем? Сам их потом считай. Хочешь с гребешками, хочешь без гребешков.

Уставился баран на ворота, прикидывает. Головы целыми останутся, по дешёвке счёт пойдёт. А лисе невтерпёж:

— По работе скучаю! Скоро что ли?

Подмигнул самому себе баран, распахнул ворота.

— Ладно, сосчитай, сколько у меня там пуха-пера и хорошая ли перина выйдет. Да смотри, в три дня, чтоб полный счёт!

А сам в избу, да на лавку, передохнуть после трудных разговоров.

А лиса опрометью в курятник, впопыхах и разбирать ничего не стала, первой же курице голову отвернула. А там и пошло. Заморилась, вздремнуть пристроилась на перьях.

Кричит баран из избы:

— Ведешь там счет лиса?

Стонет лиса:

— Ох, баран, устала!

Пожалел лису баран:

— Ну, передохни чуток, коли так.

На другой день лиса с выбором пух-перо у куриц перебирала. К вечеру и тошно стало, прилегла.

Кричит баран из избы:

— Ведёшь там счёт, лиса?

Стонет лиса:

— Ох, баран, устала!

Пожалел лису баран:

— Ну, передохни чуток, коли так.

На третий день лисе и выбирать нечего. Всех кур убрала, да со двора вон. Тем более ворота нараспашку.

Кричит баран из избы:

— Ведёшь там счёт, лиса?

А никакого ответа.

«Ну, совсем замаялась лиса? — закручинился баран, — и голоса не подаёт. Нешто помочь?»

Покряхтел баран, слез с лавки, отряхнул шубу и в курятник. Распахнул дверь, оторопел. Пух летает, перья по всем углам, головы куриные под ногами. И никакой лисы.

Покачал головой баран:

— Ну, изъян! Пух-перо считала, а головы разбросала. Считай теперь, не пропала ли какая?

Миски

Однажды медведь устроил в лесу столовую, чтоб звери и птицы могли зимой от бескормицы уйти. В поварихи напросилась лиса. Дескать, специалистка она по курам.

Медведь перепоручил кухню лисе, а сам на боковую. Выспался, и заглянул на кухню. Лиса у котлов так и ныряет, так и ныряет! А около плиты стоит миска.

— Что за миска? — кашлянул медведь.

— А это я закусываю, — ответила простодушно лиса.

«Ах, вот оно как! — огорчился медведь. — Тут прямой убыток всему лесному люду!» И пригласил на кухню старшим поваром хорька. Хорек расправляется с курами половчее лисы.

Медведь перепоручил кухню хорьку, а сам на боковую. Выспался и заглянул на кухню. Хорёк и лиса так у котлов и ныряют, так и ныряют! А около плиты стоят две миски.

— Что за миски? — кашлянул медведь.

— А это мы закусываем, — ответила простодушно лиса, — я и хорёк.

«Ах, вот оно как! — огорчился медведь. — Тут прямой убыток всему лесному люду!» И пригласил на кухню главным поваром волка. Волк расправляется с курами половчее хорька и лисы.

Медведь перепоручил кухню волку, а сам на боковую. Выспался и заглянул на кухню. Волк, хорёк и лиса так у котлов и ныряют, так и ныряют! А около плиты стоят три миски.

Что это за миски медведь спрашивать не стал. Вытолкал волка, хорька и лису, сам за черпак взялся. И никаких трёх мисок. Всего один котелок.

Делили звери тетерева

Охотилась змея, охотилась лиса, охотился волк, охотился медведь. И вдруг столкнулись нос с носом под берёзой. А на берёзе тетерев сидел. Медведь оглядел соседей, поморщился:

— Подумаешь, тетерев! Не очень-то я и охотник до тетеревов.

Волк напролом полез:

— Кому нужны тетерева!

Лиса носом покрутила: «Знаем вас! Хотите, чтоб я так, вот, за здорово живёшь и ушла? Дудки! Не нравятся тетерева, никто не держит! Одна задача, змея!»

Лиса так подумала, эдак прикинула, а уйдут медведь и волк, одной ей оставаться со змеей. Вздохнула, сказала:

— Да что вы, голубчики, так-то с ходу? На всех тетерева хватит! Очень приятная закусочка! Не правда ли, змея?

«Вылезла!» — завертелась змея. А делать нечего, поддакивает:

— А кто говорит, что плохая закуска?

— Медведь и волк нехотя согласились, что тетерев и правда, закуска знатная.

— Вот и хорошо! — пропела лиса, вот и хорошо! Давайте тетерева поймаем и сытёхоньки будем! Пусть змея на берёзу залезает и скинет тетерева, а мы его по-братски поделим.

— А сама прикидывает: «Мне бы хвост тетерева уцепить, а там посмотрим, кому тетерев достанется!»

Змея тоже себе на уме: «Буду я задаром брюхо о кору тереть!» А вслух восхищается:

— Права, лисонька, права, золотая голова! Я тихонько полезу, вы тихонько сидите!

— Волк приценился: «Тетерева лучше не лапами, пастью ловить. А там уж кому что достанется».

Медведь прищурился, уразумел: «А на что у меня сила? Мой тетерев! Ни пёрышка другие не получают!»

Поползла змея к тетереву, уселись под берёзой медведь, волк и лиса, ждут. Вот змея у ветки, вот змея на ветке, вот змея метнулась к тетереву! Тетерев взмыл, змея не удержалась, сорвалась.

Лиса — змею в один глоток, волк лису в один присест, медведь волка — в один хапок, подавился, свалился.

Тетерев опять сел на свою ветку, вздохнул:

— Делили, не спросили, а поделились, подавились.

Лисы, как не бывало

Как-то заяц на лесной дорожке нечаянно нос с носом, столкнулся с лисой.

— Ой-ой! — заверещал заяц, — страшно!

— Глупенький, — ухмыльнулась лиса, — ты закрой глаза!

Заяц зажмурился, перестал видеть лису и с облегчением вздохнул:

— Лисы, как не бывало!

— То-то же, — ласково проговорила лиса и с большим удовольствием закусила.

Услужливый медведь

Чтобы в лесу уважение заслужить, медведь-простота старался всем услужить. Он сам себя убеждал так: «Меня от этого не убудет, а славы прибудет! Глядишь, ненароком еще и воеводой изберут!»

Сначала сороки, — они всегда все новости первыми знают, — попросили медведя побыть сорокой.

Разве лисам такое вытерпеть? Они тут же попросили медведя хоть минуточку побыть лисом.

Волки посмотрели на тех, посмотрели на этих, взвыли от зависти, а потом набрались храбрости и попросили медведя побыть волком. Для волчьего почёту.

Сердитые ежи посчитали, что они никак не хуже каких-то там волков. Почему медведю не побыть и за их застольем?

Легкомысленные белки тут же пригласили медведя осмотреть дупла и угоститься медом и орешками. И заранее сказку сочинили о белко-медведе.

Не растерялись при таком случае солидные кроты, не зазевались весёлые зайцы. И стало с тех пор так.

В понедельник медведь стрекотал сорокой.

Во вторник медведь мышковал с лисами.

В среду медведь скакал с белками.

В четверг медведь ковылял с ежами.

В пятницу медведь рыл землю с кротами.

В субботу медведь скакал с зайцами.

Воскресным днём медведь подвывал волкам.

Однажды собрались сороки, лисы, волки, ежи, белки, кроты, зайцы на поляне, чтоб воеводу себе выбрать. Среди них сидел и медведь.

Но сороки считали его сорокой.

Лисы — лисом.

Ежи — ежом.

Белки — белкой.

Кроты — кротом.

Зайцы — зайцем.

И потому все в один голос сказали:

— Эх, а жалко, что с нами медведя нет! Вот был бы воевода!

Дорогое кольцо

Шел солдат Иван из отпуска на службу и подбадривал себя песенкой:
Вперед, солдат Иван, шагай,
И никогда,
И никогда,
И никогда не унывай!

И вдруг видит: лежит на дороге золотое колечко. Поднял его повертел и заметил на внутренней стороне надпись: Елена!

«Эге, — подумал солдат Иван, — да это не иначе как дочка нашего генерала! Больше некому с восклицанием о себе заявлять! Пойду и отнесу. Авось, за находку и награда какая выйдет!»

У солдата дела как идут? Сказал, значит сделал. Раз-два, и солдат у генеральского дома. Раз-два, и ногу на ступеньку. А жирный денщик его сгреб, зашипел маслом на сковородке:

— Куда лезешь, неумытый?

— Ах ты, невежа! — гаркнул солдат Иван и таково, денщик в дверь вцепился. — Не знаешь имени, помалкивай! А, чтоб в другой раз не завирался, Неунываем меня кличут!

«Этого Неунывая страхом не сшибешь! — облился потом денщик, — надобно маслом подмазать!» И заохал, заахал со слезинкой:

— А зачем тебе генерал-то понадобился, Неунываюшка? Генерала лучше бы и обойти! Неровен час, палками попотчует!

Солдат жил без хитростей. Он и выложил все, как есть.

— А мне не генерала, дочку Елену требуется. Колечко я её нашел.

Денщик засуетился, усадил солдата Ивана на лавочку около крыльца, стопку меду поднес, мух отмахнул.

— Отдохни с дороженьки, солдатушка, храбрый Неунываюшка, — захопотал, — устал, чай, ножками версты отмеривать. Давай я тебе услужу, колечко Еленке-дурочке отнесу, да тебе же и подарочек вынесу. Ни к чему тебе по лестницам ножки трудить! Да еще от Еленки-дурочки и обиду можно схлопотать.

Ни к чему солдату Ивану, что петляет денщик, отдал ему колечко. Дескать, что мне по лестницам плутать? Денщик схватил кольцо, захопнул дверь, задвинул щеколду и, сломя голову, к генеральской дочке. Он-то знал, что колечко с виду простое, не дешёвое, дорогое! Генеральская дочка обещала выйти замуж за того, кто найдёт её заветное кольцо. Одного не знал денщик, кольцо умеет отгадывать мысли.

А солдат Иван что? Солдат Иван, как услышал стук щеколды, усмехнулся: «Вот тебе, мать честная, и подарочек! Ну, да ладно, унывать, голову самому себе снимать. Посижу, отдохну, и в дорогу. Пора службу справлять, а не денщиков поджидать!»

А денщик прибежал к Елене, упал на колени, кольцо на блюдечке протягивает, низко кланяется.

— Вот, Елена прекрасная, колечко твоё заветное, золотое!

А сам думает: «Теперь и за свадьбу, раз обещано! Глядишь, стану и я генералом около генерала! Уж тогда я этому. Не унываю вобью палками почтение ко мне!»

А Елена спрашивает:

— Кто колечко нашёл?

— Сам я нашёл, сам и принёс! — завирает денщик. Да я ради тебя весь бы свет обошёл, а кольцо непременно бы нашёл!

Елена и без кольца догадалась, что денщик плутует. Кольцо она в дороге на прогулке потеряла, денщик никуда из дома не выходил. Забрала она кольцо, приказывает:

— А теперь приведи того, кто кольцо нашёл.

Денщик туда-сюда, а деваться некуда. Не хотел, а поплёлся за солдатом Иваном. А когда шёл, придумал уговорить солдата Ивана сказать, что они вдвоём кольцо нашли. Отодвинул щеколду, кинулся к солдату Ивану, рассыпал слова горохом: — Возрадуйся! Уговорил я Елену-дурочку тебя, солдат Неунываюшка, повидать. Никак она не хотела тебя принимать, да я заступился. Сказал: мы вдвоём кольцо нашли, а без дружка я и подарка не приму. Да смотри, хитрить дурочка будет, спрашивать, один ты кольцо нашёл или нет. Как скажешь, один, так она тебя сразу взашей! Не любит она солдат, а всё больше генеральских денщиков.

Смекнул солдат Иван, в чём дело, соглашается:

— Ладно, пошли, раз тебе надобно.

Как увидела Елена солдата Ивана, так и обомлела. По всем статьям солдат Иван вышел — рост, и ус, и выправка.

— Ты кольцо нашёл? — переводит дух.

— Никак нет! — весело гаркнул солдат Иван. — Мы вдвоём с денщиком его нашли. Я на дороге поднял, а он на крыльце подхватил.

Обиделась Елена на солдата Ивана за такие слова. До генерала дойдут, в мужья не Ивана, а любимца-денщика он выберет. Вопрос задаёт:

— Какую награду требуешь?

И ждёт, что солдат Иван её руки потребует. А солдат Иван ус подкрутил, просит:

— Вдвоём с денщиком кольцо мы нашли, двоим и награду давай. Подели-ка ты между нами сто ударов палкой. Да так, отдай денщику любую половину. Из моей половины, ещё половину отдай. Он кольцо к тебе носил, ножки трудил. Ну, а остальное я ему и так, задаром отдаю. Я не жадный, мне и кружечка с мёдом с избытком. Невелико дело кольцо найти, когда оно прямо на виду лежало.

Обрадовалась Елена просьбе Ивана, тут же слугам приказала денщику все сто ударов отдать. За выдранного-то генерал поопасится замуж отдавать.

Увели денщика, Елена — солдату Ивану:

— Проси моей руки у генерала, за кольцо обещано.

— Куда мне генеральскую дочку! — отмахнулся солдат Иван. — И так служба тяжкая, каждый мной командует. А тут ещё и дома командир объявится.

— Не буду командовать! — плачет Елена.

А не будешь, солдаткой становись, щи да кашу варить научись. А научишься, так уж и быть, приходи ко мне на границу.

И запылил по дороге, песенку запел:

Вперёд солдат Иван, шагай,

И никогда,

И никогда,
И никогда не унывай!

Позвал медведь зайца в гости

Повстречал раз медведь зайца под зиму, по плечу хлопнул.

— Чего это ты, брат, никогда ко мне в гости не заглянешь? Уж не загордился ли в новой шубе-то? Забегай, брат, запросто, медком побалуемся, яблоками похрустим, потолкуем о том, о сем. Знатно, брат, посумерничаем!

Зимой заяц бегал-бегал по лесу, промерз до костей, подумал: «Загляну к медведю, обогреюсь. А за приход не обессудит, сам приглашал потолковать о том, о сем».

Подбежал к берлоге, звал-звал медведя, а в ответ один храп. Погоревал заяц над такой незадачей, ушел.

Наступила весна. Прослышал заяц, медведь берлогу раскрыл проветрить, подумал: «Надо бы медведя поздравить с весной, да заодно потолковать о том, о сем».

Прибежал заяц к медведю, а тот головой мотает:

— Извиняй, сосед, приходи, сосед, летом, а нынче мне недосуг, сосед, есть больно охота.

Ушел заяц, оправдал медведя: «Летом приду, а то и правда медведь за долгую зиму проголодался».

Пришло лето. Прибежал заяц к медведю кафтанчик летний показать, потолковать о том, о сем. Сидел медведь на дубе, мед из дупла доставал. Завидел зайца, крикнул:

— Осенью, голова, приходи, недосуг мне, голова, нынче. Запасы к зиме коплю. Понимай, голова.

Ушел заяц, оправдал медведя: «Осенью приду, а то и правда без запасов зимой в берлоге не усидишь».

Подкралась осень. Прибежал заяц к медведю, шубу новую показать, потолковать о том, о сем, а медведь завидел зайца, крикнул:

— Приходи, кум, зимой. Урожай яблок я, кум, собираю, ни днем, ни ночью я, кум, покою не знаю.

Ушел заяц, оправдал медведя: «Зимой-то и правда лучше гостей медведю встречать. Досугу побольше».

Зимой заяц бегал-бегал по лесу, промерз до костей, подумал: «Загляну к медведю, обогреюсь. А за приход не обессудит, сам приглашал потолковать о том, о сем».

Прибежал к берлоге, звал-звал медведя, а в ответ один храп. Погоревал заяц над такой незадачей, ушел.

Повстречал раз медведь зайца под зиму. По плечу хлопнул.

— Чего это ты, брат, никогда ко мне в гости не заглянешь? Уж не загордился ли в новой-то шубе? Забегай, брат, запросто, медком побалуемся, яблоками похрустим, потолкуем о том, о сем. Знатно, брат, посумерничаем!

Приятная беседа

У сороки с утра язык так и чесался. Не могла сорока молчком жить. Скакала сорока по опушке и не знала, с кем бы ей поболтать.

Скакала-скакала и на лошадь чуть не налетела.

— А-ах, какая встреча! — застрекотала сорока, — как ты поживаешь, уважаемая лошадь? Хорошо?

Лошадь закивала головой.

Сорока в восторге подпрыгнула:

— Я так и знала! Поверь, я это знала! Очень, очень приятно, что ты живёшь хорошо! А скажи, я здорово подскакиваю?

Лошадь закивала головой.

Сорока в восторге подпрыгнула:

— Я так и знала! Поверь, я это знала! А скажи, у меня длинный хвост?

Лошадь закивала головой.

Сорока в восторге подпрыгнула:

— Я так и знала! Поверь, я это знала! Ну, будь здорова, а я дальше поскачу! Понимаешь, дела-дела!

И сорока скоком-скоком, боком-боком от лошади, довольная, что так приятно с лошадью поговорила.

А лошадь сорочьего языка не понимала, а головой кивала, слепней отгоняла.

Дверь

Позвал Топтыгин мышь-землеройку и пробасил:

— Э-э, любезная, оборудуй-ка мне мою берлогу, чтоб и хозяину было приятно, и всем в округе на удивленье!

— Это мы с полным нашим, значит, удовольствием, — откашлялась мышь-землеройка, — век, твоё степенство, благодарить нас будешь.

— Ну, коли так, за мной не пропадёт, — обрадовался Топтыгин, — ты действуй, а я пока медку пособираю.

Топтыгин — в лес, мышь-землеройка — за дело.

По осени Топтыгин заявился на поляну с бочонком меда и ахнул. Перед берлогой такая дверь стоит, зажмуришься. Доски резные, гвозди золотые, гуси-лебеди вдоль и поперёк, а посередке серебряный замок.

Заглянул Топтыгин в берлогу, а там как было, так и есть. Ни встать, ни сесть, ни дух перевести.

— А берлога-то? — крикнул Топтыгин. — Берлога!

— А что берлога? — засуетилась мышь-землеройка. — В берлоге твоему степенству одному сидеть, а дверь-то всякому смотреть! По двери, глядь, и чины тебе образуются.

«А что? — поостыл Топтыгин, — может, в этом и соль? Почтительнее в такую-то дверь стучать будут!»

Перепутали голоса

Как-то одному умудрённому жизнью ослу взбрело в голову услужить зверям и птицам — почистить и настроить голоса. Показалось ему, что кое у кого голоса засорились, кое у кого голоса подрасстроились. Слишком дребезжат, скрипят, шипят.

Звери и птицы враз смекнули — дело подходящее. Отчего бы не иметь голос почище, позвончее. И в очередь к ослу.

Собрал осёл голоса, год чистил, два настраивал. А потом замаялся. Кому какой голос отдавать, никак не разберёт. Когда в мешок сваливал, ярлыки не привесил. А тут звери и птицы, как на грех, стали двери мастерской прощупывать. Истосковались по голосам-то за три года! Осёл разобиделся на такую неучтивость, выставил, мешок за дверь, проревел:

— Забирайте и разбирайтесь сами, раз лезете без оглядки, а с меня взятки гладки!

Звери и птицы налетели на мешок, расхватали голоса и разбежались кто куда.

Топтыгин пристроился около пня, набрал побольше воздуха, чтоб получше проверить прочищенный голос, да так со всего размаха кукарекнул, сам от изумления под пень свалился.

Патрикеевна жила недалеко от пня. Услышала она крик петуха, подскочила, кинулась к пню. Примчалась, глаза чуть не выскочили. Вместо петуха, Топтыгин кукарекает. От досады она хотела тьякнуть: «Обманщик!», а вдруг прошипела ужом:

— Ш-ш-шалишь, ш-шалун?

Ёж приготовился было наколоть на иголку яблоко, да услышал голос ужа, побросал яблоки, наострил иголки, и к пню побыстрее. А увидел Патрикеевну, попятился и неожиданно для себя прокуковал:

— Не ку-упишь!

Сокол услышал кукование и камнем к пню. А ну, разжива на обед? Увидел ежа, заорал бараном:

— Бе-беда!

Неподалёку Серый Кум к оврагу пробирался. Услышал бараний разговор, наострил уши — и к пню. Выскочил из кустов, хвост трубой, глаза горят, а вместо барана на него сокол уставился. Отскочил от сокола Серый Кум, свистнул сусликом:

— Ф-фьють!

На суку дремала Сова-умная голова. Она встрепенулась и ринулась к пню. Хлопнулась у пня, глаза по тарелке. Вместо суслика, Серый Кум! Сова расстроилась и со всего маху гусем:

— Ого-го!

Мог ли упустить гуся орлан? Пал к пню, а вместо гуся Сова-умная голова клюв выставила. Не сдержался орлан, захохотал филином:

— Ах-ха-ха!

Всполошилась сорока Белобока. С каких пор в лесу завёлся филин? Свалилась около пня, увидела орлана, взвизгнула поросёнком:

— Хрю-рю-рю!

— «Эге! Должно Хавронья!» — вскинулся тигр и полосатой тенью к пню. А как увидел сороку Белобоку, залился курицей:

— Ко-ко-ко!

Ласка прислушалась к приятному голосу курицы — шасть к пню. Налетела на тигра, фыркнула глухарём:

— Чу-чуф-чуф!

«А никак глухарь голос подаёт?» — засуетилась рысь — и скок к пню. Увидела ласку, каркнула вороной:

— Кар-ртина!

Тут звери и птицы опамятовались, заревели, засвистели:

— Эдак-то мы пропадём! Эдак-то мы с голоду помрём!

И к мастерской, с ослом потолковать. А вместо осла — воробей. Он и слушать никого не стал, отчирикал по всем статьям:

— И какой это осёл вам голоса раздавал? Сами что ли не можете разобраться?

И дверь на запор.

Нечего делать зверям и птицам, сами стали голосами меняться. А опыта никого. Менялись — недоменялись. Выпь и до сих пор быком ревет, гусь ужом шипит, сойка по-собачьи лает, скворец вороньи коленца выкидывает.

Не мог, а помог

Как-то шёл лесом плотник и видит: нарубил дровосек две больших вязанки дров, за третью берётся. Жалко стало ему дровосека, говорит:

— Давай помогу, третью вязанку тебе нарублю.

Когда плотник нарубил третью вязанку, дровосек его поблагодарил.

На второй день дровосек нарубил одну вязанку дров и, как только завидел плотника, сам его окликнул:

— Эй, друг, помоги!

Плотник ни слова не сказал, принялся рубить дрова, а дровосек сидел на пеньке и старательно подсказывал, как лучше рубить дрова. Плотник нарубил две вязанки дров, и дровосек сказал:

— Молодец! У тебя неплохо получается.

На третий день не успел плотник показаться на просеке, как дровосек закричал:

— Где же ты шатался? Разве не знаешь, что мне надо помогать? Давай-ка берись за топор побыстрее, а то не успеешь до вечера три вязанки нарубить.

Когда закончил плотник работу, дровосек сказал:

— Завтра, дружище, приходи пораньше, а то мне нужно сходить в село.

— Ладно, — ответил плотник, — но я прошу тебя прийти вечером помочь мне.

— Не могу, а помогу, — поморщился дровосек, знай мою доброту.

На другой день дровосек пришёл к вечеру. Он похвалил плотника за работу и нарубил одну вязанку дров.

Плотник поблагодарил за помощь и сказал:

— Я тебя, дровосек, попрошу завтра с полдня прийти, а то топор, боюсь, затупится.

— Ладно уж, хоть и не могу, а так уж и быть, помогу! — с неохотой согласился дровосек.

На другой день он пришёл с полдня, и ему пришлось рубить две вязанки дров.

— Смотри, плотник, неплохо я тебе помог, сказал он. — Спасибо говори.

— Спасибо, — вздохнул плотник, — я ещё разок тебя обеспокою. Приди завтра с утра, добрая душа, а то мне надо в село сходить.

Дровосек пришёл с утра. Нарубил он вязанку дров, а плотника нет. Взялся он за вторую вязанку. Нарубил, а плотник как в воду канул. Делать нечего, принялся дровосек за третью вязанку... Дрова-то ему нужны, не плотнику. Рубит, а сам с обидой размышляет: «Вот же какая несправедливость. Я этому плотнику и не мог, а сколько помог, а он и не торопится прийти мне на помощь!»

Две дочки

Однажды жили да поживали старик со старухой. Было у них две дочки. Старшая все ближе к старику. И умница, и помощница. Обед сварит, обед в поле принесет, пахать поможет, песенку сложит да вопросов назадает. А младшенькая — старухина забавушка.

И день и ночь старуха на старшую ворчит. И непокорлива, и поперечница, и некрасива, и спесива, и работой не таровата, а на лень богата.

А младшенькая всем выдалась. И умница, и разумница, и красива, и послушлива:

И постельку дает свою убирать,

И платице дает на себя надевать,

И уроки дает за себя учить,

И на шее дает себя возить.

Вот так и оделяла старуха старшую дочку кочергой и шишками, а младшенькую пирогами да пышками.

Как-то старуха целый день языком трепала, устала и сказала:

— Надоело мне язык трудить, немоготу стало с непокорливой старшей жить. Вези, старик, свою потатчицу куда хочешь. То ли в поле, то ли в лес, одно бы — с глаз долой.

Что делать старику? Надо везти, а то поедом заест старуха старшую дочку, да и его источит хуже ржавчины. А куда вести, не задача — зимой все дороги белые.

Запряг старик ни свет, ни заря лошадёнку, усадил дочку в дровни, прикрыл рваным тулупчиком, бросил вожжи, и поплелась лошадёнка, куда ноги повели. А ноги прямо в лес наладились. Привыкла лошадёнка зимой в лес по дрова ходить.

Волочит лошадёнка дровни мимо сосен высоких, мимо дубов широких и вдруг — полянка. А на полянке избушка на курьих ножках, пирогом подпёрта, блином прикрыта.

— Вот тебе и хорошо тут будет, — сказал старик.

Ссадил дочку, дал просо на кашу, лошадь заворотил и домой уехал.

Осталась дочка одна. Истолкла немного проса, каши сварила. Одной не съесть, а угостить некого. Тут и вспомнила, как лесом ехала. Холодно в лесу и голодно. Вдруг кто отзовется? Или зайнышка беленький или волченька серенький. Всё живая душа рядом будет.

Вышла девушка на крылечко, зовёт:

— Кто в лесу мёрзлом, кто в лесу тёмном, приходи ко мне гостевать, каши поесть, сказочку послушать.

Мимо избушки как раз Морозец попрыгивал, поскакивал, серебряные серёжки на деревьях развешивал. Понравились ему приветливые слова девушки, вздумал в гости завернуть, каши поесть, сказочку послушать.

Скинулся молодцом — златошвецом, спрашивает:

— А хорошую сказочку расскажешь?

Отвечает девушка:

— Сначала погрейся, каши попробуй, а там уж и сказочка поспеет.

Завела гостя в избушку, кашей накормила, кашу сказочкой приправила.

Понравилась сказочка Морозцу, он так и заладил:

Воробышка-простота

Купил рака без хвоста,

Ехал задом наперёд,

Въехал в зайкин огород.

Ладил-ладил, хлопнул по столу:

— Научу тебя, девушка, за твой привет серебряные узоры вышивать.

Вытянул из рукава в достатке белоснежного полотна, вытянул из рукавицы клубок серебряных ниток, достал из шапки серебряную иголку, достал из кармана серебряный напёрсток.

Ласка да подсказка — верные помощники. Начала старшая такие диковинные узоры вышивать, что Морозец схватил шапку в охапку и побежал скорее эти узоры на окнах рисовать. Матери Зиме в удовольствие, людям на радость.

А дома старуха места себе не находит, из себя выходит. Не на ком ей зло сорвать, язык поточить. Не выдержала, на старика набросилась:

— Ишь, потатчик! Упрятал нерадивицу, а кто её уму-разуму поучит? Отправляйся и представь мне лентяйку хоть из-под земли!

Старик много не думал. Вмиг лошадёнку запряг, вожжи в руки да такой рысью помчал, сразу около избушки очутился, крикнул весело:

— Обернись, избушка ко мне передом, к лесу задом!

Обернулась избушка, вышла на крылечко такая нарядная девушка, старик и не сразу в ней свою старшую признал. Платье на ней серебром вышито, серебряным бисером разукрашено, в руках серебряный сундучок с клубком серебряных ниток, серебряной иголкой, серебряным напёрстком. А у ног серебряный сундук с нарядами.

Поставил старик сундук на дровни, усадил на него дочку да и домой скорее. Старуха и рот разинула, как увидела старшую, в красный угол повела с приговорочкой сладенькой:

— Не задаром, гляди, я тебя калила, гранила, школила! — Да к старику: — Вези сейчас же, скудоумный, младшенькую за подарочками. Да смотри без толкотни, с бережением!

Младшенькая глазками хлоп-хлоп, да так нарядов захотелось, без словечка дала валенки надеть, шубку надеть, шапочку надеть, на дровни себя усадить, тулупчиком новеньким прикрыть.

Привёз старик младшенькую к избушке, на лавку снёс, каши сварил, домой уехал.

Младшенькая ждала-ждала, кто бы накормил, не дождалась, дремать взялась.

Бежал мимо Морозец, увидел огонёк, ещё сказочку захотел послушать. Заскочил в избушку, увидел другую девушку, обиделся, что не встретила ласковым словом, озоровать начал. Печку задул, кашу опрокинул, младшенькую из тулупчика вытряхнул, чёрным напёрстком по лбу стукнул, дверь распахнул, в лес убежал.

Наутро гонит старуха старика в лес, угол красный убирает, стол пирогами заставляет.

Привёз старик младшенькую, как глянула на неё старуха, заголосила. В чёрных лохмотьях младшенькая, сама от холода и голода чёрной стала.

Хлопнулась старуха на лавку, от горя чёрной сделалась, язык петлёй завязался, «кар» да «кар» выплетает.

Старик одно и сказал:

— Вона какие вороны!

А старшая открыла сундук, и сразу на месте дома вырос серебряный лес, в серебряном лесу встали серебряные хоромы.

Старшая в серебряных хоромаш на белоснежном полотне серебряные узоры вышивает — Изморозью сестрицей Морозца стала, старик Бураном по полю гуляет, серебряным ситом серебряные снежинки сеет. В серебряном лесу на серебряном суку две вороны загадку загадывают:

Стоит дуб

На четырёх ветрах,

На дубу

Двенадцать суков,

На каждом суку

По четыре ветки,

На каждой ветке

По семь листков.

Воробьиная печаль

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был злющий-презлющий правитель. Любил этот правитель выходить ранним утром на крыльцо своего дворца и гонять жителей царства-государства вдоль улицы и поперек улицы, налево, а потом направо, вперед, а потом назад. Гонял-гонял и к обеду бедняга сам так уставал, еле-еле добирался до своего трона. А трон около окошка, а в окошко был виден сад, да не простой, а вишневый. Правитель осматривал сад и начинал подсчитывать вишенки. Хотелось ему узнать, не украл ли кто какую-нибудь вишенку за ночь, сколько вишенок поспело, сколько банок вкусного вишневого варенья он сумеет осенью сварить.

И вдруг в сад залетел воробей, сел на вишню и стал клевать вишенку. У правителя от злости и жадности и в глазах потемнело. Как? Воробей нахально склевывает целую вишенку? Огромную, с целую сливу! Нет, не со сливу, с яблоко! С

арбуз! Ну да, с арбуз! А что если этот нахал воробей пригласит к себе в гости еще одного воробья? Они склюют уж не одну, а целых две, целых две вишенки!

— О! А что если эти два воробья возьмут да пригласят в гости ещё двух воробьев? Тогда будет уже четыре воробья, и они склюют целых четыре вишенки!

— О! А что если эти четыре воробья возьмут да пригласят в гости ещё четырех воробьев?

И пошло и поехало! Не успевает правитель ахать, не успевает правитель подсчитывать:

— О! А что если сто двадцать восемь воробьев пригласят в гости ещё сто двадцать восемь воробьев? Тогда будет... О-о!

Правитель опрометью выскочил на крыльцо, затопал ногами, приказал:

— Немедленно, сейчас же, сию же минуту во всем моем царстве-государстве уничтожить всех воробьев!

Жители привыкли без всяких рассуждений выполнять приказы своего правителя. Выбежали они на улицу с дудками, трещотками, со сковородками да как начали дудеть, да как начали трещать, да как начали стучать — всех воробьёв подняли, опуститься не давали. Воробьи летали-летали, устали и все замертво на землю упали. А жители обрадовались, что так здорово выполнили приказ, сгребли воробьёв в одну кучу, из всех сковородок сколотили одну сковороду, кинули воробьёв на эту сковороду, поджарили и съели.

И сразу в царстве-государстве наступила такая тихая тишина, что от такой тишины даже у самой глухой рогатой гусеницы, которая жила под самой толстой корой самой старой вишни, и то в ушах заломило.

«В чём дело? Что такое? — заволновалась гусеница. — Надо узнать, что это за тишина!» Выползла из-под коры и обомлела — в царстве-государстве нет ни одного воробья! Обрадовалась гусеница, выставила рога, крикнула:

— Эй! Жуки-червяки, эй, сестрицы мои, гусеницы! Пропали наши враги, теперь наша власть пришла! Берись за дело!

И взялись. Всю траву скосили, всю кору съели, всю до одной вишни объели! И так стало кругом гладко, что по гладкой-то дорожке — негде и зацепиться — в царство-государство заявился сам царь Голод. И стали замертво падать на улице уж не воробьи, а жители царства-государства. И правитель с трона свалился, из последних сил додумался: «Что же это выходит — без каких-то там воробьёв и никак нельзя прожить? Выходит, надобны воробьи?» Кое-как позвал тайных советников, стукнул кулаком об пол:

— Раз никак нельзя без этих самых воробьёв, отправляйтесь в соседнее царство-государство да и купите там воробьёв!

А тайным советникам что? Натянули огромные сапоги-сорокоходы, взяли огромные палки-сорокоходки и не успели охнуть, очутились в соседнем царстве-государстве. Перво-наперво вволю поели, осмелели, чванливо сказали:

— Продайте-ка нам воробьёв! Мы, так и быть, купим.

А хозяйева на них посмотрели-посмотрели да и говорят:

— Воробьёв? Каких это ещё вам воробьёв? Нет у нас лишних воробьёв! Не можем мы вам продать воробьёв!

Советники покрутились-покрутились, а делать нечего. Отклонялись да, на этот раз потише, направились во второе соседнее царство-государство. Там шляпы заранее сняли, тихонько сказали:

— Продайте нам воробьёв.

А жители на них посмотрели-посмотрели да и говорят:

— Воробьёв? Каких это ещё вам воробьёв? Нет у нас лишних воробьёв! Не можем мы вам продать воробьёв!

Тайным советникам и совсем уж делать нечего. Ни шатко ни валко добрались до третьего царства-государства, низёхонько поклонились, смирёхонько попросили:

— Будьте милостивы, продайте нам воробьёв, люди у нас умирают! Царь Голод у нас гуляет.

Посмотрели-посмотрели хозяева на них, покачали-покачали головами, говорят:

— У самих мало, да ради ваших людей, а не ради вашего недотёпы-правителя, так уж и быть, дадим вам малую толику воробьёв.

И дали. И опять в том царстве-государстве зашумели воробьи. Тут уж червякам-жукам, сестрицам гусеницам досталось с избытком. А вишни? Вишни опять расцвели, а вскоре на них и вишенки покраснели.

Однажды сидел правитель на троне, подсчитывал вишенки. И вдруг в сад залетел воробей, сел на вишню и стал клевать вишенку. Правитель было вскочить, да крикнуть, да приказать, да тут и вспомнил жуков-червяков, сестриц гусениц, царя Голода. А как вспомнил, так сразу и прикусил язык.

Грач — капусткин врач

Когда грачи весной прилетели домой в березовую рощу, было заметно, что молодой грач Гришка держал себя солидно, настоящим Григорием Григорьевичем, и напропалую важничал перед смешливой грачушкой Граней. А почему? Да потому что Гришка был с этой весны не просто молодым грачом, а самым капусткиным врачом. А известно, каждый мастер в своем деле цену себе знает. Мастер в своем деле — это тебе не какой-нибудь там записной лодырь кот Усач-Запечкин.

По утрам Гришка, точь-в-точь как, бывало, отец, чистил каждое перышко, полировал о кору крепкий клюв, поднимался на самую высокую ветку берёзы, зорко оглядывал огород и уважительно здоровался с дедом — огородником. А дед-огородник снимал картуз и торжественно раскланивался с Гришкой, которого он непременно называл уважительно Григорием Григорьевичем. В точности так же, как и его отца.

Жители березовой рощи — скворцы, вороны, галки, грачи — каждый раз наперебой лезли со своими умными советами:

— Ты, Гришка, за такое-то уважение в оба глаза присматривай за капустой! Помни, отец твой наилучшим капусткиным врачом был! Не посрами!

И все сразу замолкали. Погиб осенью Гришкин отец. И виноват в этом был какой-то несуразный рогаточник. Взял да и ради забавы выстрелил в Гришкиного отца тогда, когда он осматривал грядки.

Гришка терпеливо выслушивал советы, вздыхал:

— Не опозорюсь я, не уйдет от меня ворюга Капустный Проволочник! Дед-огородник соберет такую же крепкую сочную капусту, как и при моем отце.

— А не принимает ли дед-огородник тебя за отца? — насмешничала грачушка Грания, чтобы обратить на себя внимание Гришки. Но Гришка даже не оборачивался, будто и не слышал подобных слов. Кто ж не знает, что они с дедом-огородником закадычные друзья и оба наслышаны друг о друге лучше некуда. И если уж на то пошло, дед-огородник — его спаситель и знает каждое перышко наперечет.

В прошлом году всем известный лодырь кот Усач-Запечкин, когда Гришка учил урок, заданный отцом, вцепился ему в хвост. Дед-огородник так огрел кота Усача-Запечкина метлой, что тот перелетел через все капустные грядки и долго орал в крапиве.

А Гришку дед-огородник лечил целых два дня и отправил к отцу с наказом не только внимательно учить уроки, но и поглядывать по сторонам. Потому как известно, коты и рогаточники не перевелись.

Весенний день год кормит. И поэтому трудился дед-огородник с первых петухов до последних петухов. А посадил рассаду, поклонился Гришке.

— Ты уж, Григорий Григорьевич, того, проследи, значит. Сам знаешь, как мой внучек Гришутка сладкие кочерыжки любит.

А тем временем кот Усач-Запечкин не дремал. Он отлично запомнил метлу и крапиву и поклялся отомстить Гришке за свое позорище. Откровенно говорить, не лез бы — и позорища не было, а у него вон как получилось. С больной головы да на здоровую. Сам набезобразничал, а обиженного обвинил.

У Гришки к этой весне клюв стал таким — не подходит. И кот Усач-Запечкин надумал исподтишка совершить чёрное дело. Он отправился на дальний заброшенный огород, где коротал свои дни вечно голодный червяк Капустный Проволочник. Как поселились в березовой роще грачи, житья ему никакого не стало. И он весь в три дуги изгибался от голода, когда вспоминал о сладких корешках капустной рассады. И чернел от злости и страха при одной мысли о крепком клюве грача Гришки. В прошлом году грач Гришка чуть было не схватил его за хвост, да ладно самому кот Усач-Запечкин чуть хвост не оторвал.

Капустный Проволочник с отвращением жевал полынный корешок, когда неожиданно к нему заявился кот Усач-Запечкин, завилял хвостом и брякнул о том, что у деда-огородника выдалась преотличная капустная рассада, а охраны никакой нет.

Капустный Проволочник больше ничего и слушать не стал, кинулся по подземному ходу к дедову огороду. Кот Усач-Запечкин ухмыльнулся и помчался на печку.

А на печке спал внучек Гришутка. Тот самый, который любил сладкие кочерыжки. Кот Усач-Запечкин пристроился рядом и пошёл напевать, что внучку не видать сладких кочерыжек как своих ушей. А виноват в этом будет препротивный грач Гришка. Он нацелился утром выкинуть с грядок капустную рассаду. Побезобразничать ему захотелось.

— А дед твой с утра до ночи трудился, — жалобно ныл кот Усач-Запечкин, — хотел внука сладкими кочерыжками угостить!

А утром кот Усач-Запечкин с простодушным видом лежал на заднем крыльце и нет-нет да и почесывал бока, как вспоминалась метла.

Грач Гришка, только солнце показалось, глянул на капустные грядки и сразу почуял — подобралась к рассаде хворь. Несколько кустиков завяло, пожелтело.

Всполошился грач Гришка, кинулся к грядкам, на свою беду обо всём на свете забыл.

Увидел внучек грача Гришку на огороде, вспомнил нытье кота Усача-Запечкина, схватил метлу и кинулся на огород. Он так ловко швырнул метлу в Гришку, что тот сразу свалился с грядки. В клюве он держал Капустного Проволочника. Тот извивался и шипел:

— Так его! Так его!

Кот Усач-Запечкин вытянул хвост трубой и орал с крыльца:

— Мало! Мало!

Внучек кинулся к метле, чтоб окончательно прибить Гришку, да ладно дед услышал шум, прибежал на огород и успел спасти неудачника.

— Я ж тебе, Григорий Григорьевич, говорил: не забывай о разбойниках и дураках! — в сердцах укорил он Гришку.

— О разбойниках ты говорил, — простонал Гришка, — а о дураках нет.

— Неужто запамятовал? — строго поглядел дед-огородник на внучка. — Дурацкий-то обычай какой? Дела не узнают, недуром ломают.

— Да-а... — заревел внучек. — Гришка рассаду вырвал!

— Ворюгу Капустного Проволочника искал! — сказал дед. — Вот он, обжора, валяется. Запомни: грач — капусткин врач! И сейчас же проси прощения у Григория Григорьевича, а то откажется от работы — не хрустеть тебе сладкими кочерыжками. Капустный Проволочник залезет в огород — считай, пропала капуста.

Что было делать внучку? Целых два дня просил он у Гришки прощенья, пока тот не простил. Жители березовой рощи — скворцы, вороны, галки, грачи — укоряли Гришку за непреклонность, да не мог Гришка вот так сразу и простить. Прежде всего, он себя уважал, а потом, как известно, он любил делать всё солидно и серьезно. Тем более, что на него как раз в эти дни внимательно и серьезно поглядывала грачушка Граня и даже сказала одной, особенно настойчивой галке:

— А где ты была, когда внучек обижал Григория Григорьевича?

И галка сразу замолкла. То ли не хотела связываться с грачушкой Граней, то ли усовестилась.

А лодырь кот Усач-Запечкин? Спрятался за печкой и носа оттуда не высовывал. Как ни считал себя обиженным, а чуял: метла по нему ох как скучает! Он даже надумал не на огород ходить, а мышей в подвале ловить.

Ежишка — храбрый мальчишка

Ежишка жил под малиновым кустом около самого садового забора. Как только он высунул чёрный пяточок из малины, сосед Воробей чирикнул:

— А вот и Ежишка, Ежишка — храбрый мальчишка! С добрым утром!

— Нашёл о чём говорить, — фыркнул сердито Ежишка. — Какое же доброе утро, когда в саду яблок нет!

Ежишка вообще-то не был сердитым Ежишкой. Просто-напросто ему хотелось есть, а в таком случае не до веселья.

«Разговорился не ко времени», — покосился Ежишка на воробья, который вычирикивал новости о Воробьихе, и заковылял на своих кривых ножках через весь сад. А вдруг чего найдёт?

Потихоньку-полегоньку Ежишка выбрался к стеклянной веранде. На ступеньке сидела Анюта и пила молоко.

«Вот и хозяйева приехали, — фыркнул Ежишка. — Вчера меня здесь не было, а они взяли, да и приехали. Будет теперь эта Анюта бегать по саду и, как в прошлом году, мешать охоте. Так-так, а я-то чего к веранде пришёл? Может быть меня нос к молоку привёл?» Анюта завидела Ежишку, обрадовалась:

— Киска, киска, хочешь молочка?

Анюта налила в блюдечко молоко и поставила на дорожку.

— Я не киска, а Ежишка, — фыркнул Ежишка и потянулся к молоку. Наконец-то он позавтракает!

— Ты киска, — заупрямилась Анюта, — колючая киска.

— Ладно, киска, — хрюкнул Ежишка, — раз молока дала.

«И что это сегодня все словно сговорились о мои колючки языки чесать?» — подосадовал Ежишка и принялся пить молоко. Если мыши не попались, если жука не нашёл, если яблока нет, то и молоко очень даже кстати. Да к тому ж, откровенно сказать, Ежишка молоко любил.

Да кто ж молоко не любит? В старом овраге за садом жила Гадюка. Она этим утром тоже была не прочь отведать молока. Ещё разок. Вчера ей удалось отнять у Котёнка целое блюдечко молока. Ох, как этот глупец запищал, когда она, гадюка, схватила его за ногу! А вечером посмеивалась у себя в овраге, когда слушала плач Анюты и слова её матери:

— Что случилось с котёнком? Уж не молоко ли испортилось?

Гадюка при мысли о молоке сладко потянулась и поползла к веранде. Первое, что она увидела, когда выползла на дорожку сада, стакан молока в руке Анюты. «Моё молоко пьёшь? — прошипела зло Гадюка. — Вот я сейчас тебя!»

Гадюка потеряла всю свою осторожность и совсем не обратила внимания на Ежишку. А он колючим клубком подкатился к её носу.

Гадюка от неожиданности дёрнулась и сразу же ткнулась мордой в колючки.

Анюта вскочила, хлопнула в ладоши, закричала:

— Мама, мама! Посмотри, как наша колючая киска играет с верёвочкой!

Мать Анюты выбежала на веранду и схватилась руками за сердце. Анюта стояла на ступеньке, а рядом Ежишка молча дрался с Гадюкой.

— Ну, чего пристал к бедной вдове? — шипела Гадюка и отскакивала от Ежишки. — Мало тебе того, что ты украл моё молоко?

«Ишь, как все сегодня разговорились!» — фыркнул Ежишка. И до того ему стало обидно, дальше некуда. Он бросился на Гадюку и враз откусил ей голову.

— Теперь ты у меня поговоришь, — фыркнул он, — потолкуешь!

И растерялся. Не знал, что ему делать. Не то молоко допивать, не то гадюку убирать. А тут ещё Анютина мать подхватила его, гладит, приговаривает:

— Ты, Ежишка, храбрый мальчишка, ты замечательный Ежишка, ты спас Анюту!

— Да что это вы все с разговорами? — шмыгнул Ежишка. — Поесть-то мне надо?
— Ой, прости! — отпустила его Анютина мать. — Всегда мы сначала о себе думаем!
— То-то и оно! — вздохнул Ежишка и сунул свой чёрный пяточок в молоко.

Рыжая напасть

Шёл однажды внук Валя мимо пшеничного поля к озеру, на плече удочка, в голове караси. А около тропинки, как на грех, яма, а около ямы столб лежит. Как быть? Пройти мимо ямы или заглянуть в неё? Пока внук Валя прикидывал как да что, ноги его сами к яме донесли. Ну, а уж раз оказался около ямы, как в неё не заглянуть?

Заглянул, оценил — глубокая яма. А в яме кто-то шевелится! Тут уж и удочку пришлось отложить. Наклонился, что б получше разглядеть, кто шевелится, а из ямы голосок весь в слезах:

— Ну, чего стоишь? Выручай, раз пришёл! Или рыжих лисят никогда не видел?

— Да как же ты в яму-то попал? — удивился внук Валя. — Уж не кур ли бежал воровать?

— А какие они, куры? — твякнул рыжий Лисёнок. — Рыжие и свистят?

— Меня не проведёшь, — засмеялся внук Валя. — Известно, все лисы кур таскают, а ты мне про сусликов.

— Все, да не все, — повесил рыжий нос рыжий Лисёнок.

Ему так есть хотелось, что голова кружилась. С вечера он в яме сидел. Вспомнил, как шуршали мыши ночью возле ямы, всхлипнул: — Я мышей ещё ем, а не каких-то кур!

«И очень даже может быть, что этот рыжий Лисёнок кур не ворует», — подумал внук Валя. Раздобыл в лесополосе сухую палку, опустил в яму. Рыжий Лисёнок выкарабкался из ямы, помахал рыжим хвостом — и в пшеницу.

А соседский мальчишка задразнил внука Валю за то, что он поверил куроеду и выпустил на волю.

— Лучше бы, — сказал, — на цепь его, вместо собаки двор караулить.

А дед — это к нему на каникулы внук Валя приехал, — как-то сказал:

— Знаешь, около лесополосы ядрёная пшеница выдалась. Ни колоска не испортили мыши-суслики. И какая на них напасть пришла? В прошлом году житья не давали.

Что на это мог сказать внук Валя? Ничего! Ест пшеничный хлеб с поджаристой корочкой, запивает парным молоком — и конец. Одно и делает — бабушку хвалит. Очень уж вкусный хлеб она печёт.

А как позавтракает, сразу на рыбалку. И старается незаметно мимо соседского мальчишки пройти. Тот, как завидит внука Валю, своё начинает долбить:

— Зачем куроеда выпустил?

Ходил-ходил внук Валя на рыбалку, до августа доходился. Идёт однажды утром, подсчитывает, сколько дней до учёбы осталось. Идёт и видит — на сжатом поле

здоровенный рыжий Лис выплясывает. Увидел внука Валя, приостановился, таявкнул:

— Здравствую, не узнаёшь?

— А почему я тебя должен узнавать? Пожал плечами внук Валя.

— А я тот самый рыжий Лисёнок, которого ты спас!

— От того и пляшешь?

— Да нет, мышкую я. Приструниваю, значит, мышиное племя, что б не очень за пшеницей охотилось. Подумал, пусть внук Валя побольше пшеничного хлеба поест за свою доброту.

— Спасибо, а я и не знал, что ты пшеницу спасаешь, — сказал внук Валя — а соседский мальчишка всё так и твердит, что ты кур таскаешь. А ни одной курицы у него не пропало.

— Язык-то без костей, — ухмыльнулся рыжий Лис. — Ну, бывай здоров, а я пойду посплю немного. Всю ночь напролёт работал.

Вильнул хвостом и был таков.

А внук Валя карасей, ершей и раков наловил, деду принёс, сказал:

— А на мышей-сусликов напасть-то рыжая!

Сова в роще

Сова в роще разбойничала напропалую, и птицы не чаяли, как от неё избавиться. Помогла сорока. Она наделала такого шуму-гаму, что скоро не стало сове никакого житья. Полуголодная сова не выдержала, сказала:

— Раз житья нет, улечу из рощи!

— Скатертью дорога! — обрадовались птицы.

А кукушка вдруг печально прокуковала:

— Взгляните, кого гоните, над кем смеётесь!

Пригляделись птицы к забитой сове, сердце дрогнуло. Одни глаза да перья. Многие даже подумали: «И мы эту беднягу обижали?»

А кукушка снова печально прокуковала:

— Улетит сова, мыши разведутся. Мыши разведутся, корни деревьев перегрызут. Деревья упадут, рощи не будет. А рощи не будет, где гнёзда вить станете?

— Правильно кукушка говорит! — залился соловей.

— Верно сказал соловей, — проворковали голуби.

— Точно-точно сказали голуби! — зачирикали воробьи.

— Где воробьи, там мне делать нечего, — стрекотнула сорока и улетела.

— Так тому и быть! Пусть сова живёт! — отстукали дятлы.

— Голубчики! — всхлипнула сова. — А я-то сглупа всех проклинала!

Сова слёзы утёрла, приосанилась, задушевно сказала:

— Уговорили, остаюсь в роще. А чтобы мышей совсем не было, я совью в дупле дятла гнездо и выведу совят. Одной-то мне с мышами не под силу.

Студенец и веснянка

Выдался Студенец всем молодец. И статью, и ростом, и силой, и голосом. А вот сердце у него было ледяное. И потому он заботился только о себе, а до других ему и дела не было. Не успеет как следует продрать глаза — пойдёт колобродить по полям и лесам. Так наозорует, света белого не взвидят ни звери, ни птицы, ни люди. Никому скидки нет. То белых мух напустит за воротники людям, то щурёнка ко дну речки приморозит, то оседлает северный ветер и давай с посвистом-гиком тучи по небу гонять, землю и деревья холодом калить. — И в кого ты ледяным уродился? — плачет мать Зима.

— В тебя! — хохочет Студенец.

— И неправда, — качает головой Зима.

— А говорят, злости у тебя хватает!

— Это как на кого! Нерадивых не жалею, а работникам шубы шью, дома строю, хлеб припасую, озимые тёплым одеялом укрываю. Потому-то встречают меня работники весело, а провожают с почестью. А ты? Студишь всех без разбора!

— Если выбирать, некогда будет и погулять! И хватит поучать! — вскинулся Студенец. — Вырастила, спасибо, а теперь — тебе порог, а меня не трог!

Настыли у Зимы от обиды слёзы льдинками, собралась она, ни слова не сказала, ушла. А Студенец на воле взялся ещё пуще озоровать. И приструнить некому. И скажи на милость, такой шатун, а приглянулся красной девице Веснянке. Она к нему то так подойдёт, то эдак, а ледяного сердца никак не проймёт. Куражится Студенец перед ней всю, обижает. То в овраг столкнёт, то сердце обморозит.

Видят люди — беда. Никак не растопит Веснянка ледяного сердца, сама вот-вот в ледышку превратится. А как уговорить бесталанного? И надумали. Принесли Веснянке вербу — цветок Зимы, говорят:

— Отнеси Студенцу, может, мать вспомнит, сердце отогреется.

Обрадовалась Веснянка и скорее к Студенцу. Увидел Студенец белые пушистые цветки вербы, вспомнил, как мать укладывала его на пуховую вербную постель, сердце дрогнуло. Даже сказал:

— Спасибо, Веснянка. Виноват я перед матерью, простит ли?

Обрадовались люди такому, испекли Веснянке жаворонка.

— Возьми, — говорят, — отнеси Студенцу вроде бы как привет от матери.

Веснянка скорее к Студенцу. Тот взял жаворонка, вспомнил колыбельную песенку матери, сказал:

— Что же мать живого жаворонка не отпустила? Или я и впрямь без сердца? Прислушайся, бьётся.

— Северный ветер на волю отпусти, тучи угони, — просит Веснянка, — может, и запоёт жаворонок.

Послушался Студенец, отпустил северный ветер, тучи разогнал. Забился в солнечном луче жаворонок, такую песенку запел... Студенец голову опустил, а сердце вдруг оттаяло.

Веснянка к людям:

— Студенец голову опустил, не смотрит на меня!

— Это беда — не беда! — весело сказали люди. — Не печалься!

Пошла Веснянка к Студенцу, а сама думает: «Чем приворожу друга-недруга?»

А люди надели праздничные наряды, костры зажгли, песни ласковые поют.

Слушает Студенец, удивляется. Кому люди песни такие поют? Поднял голову, увидел Веснянку, сердце расцвело. И пошёл вслед за Веснянкой через костры прыгать, не отстаёт, да так к ней и прилепился.

А люди теперь, когда летом вдруг прохладой повеет, говорят:

— Смотри-ка ты, Холодок пробежал! По матери разумник, по отцу озорник. И солнце ему нипочём, остудить пытается.

Крапива

Стрекоза принесла на поляну весть — следом за ней идет Крапива.

Одуванчик тянулся-тянулся на цыпочках, ничего не увидел и капризно сказал:

— Что я буду тянуться? Раз Крапивы не видать, значит, и нет её! Чем время понапрасну терять, лучше с бабочкой поиграть.

Вьюн с высоты куста оглядел край поляны, где показалась Крапива, и пренебрежительно сказал:

— Крапива, что трава — зелёная и только. Не стоит о ней и толковать.

Роза выставила колючки и высокомерно сказала:

— Не думаю, чтобы Крапива не заметила моих колючек!

Колокольчик изо всех сил зазвонил:

— Крапива — не крапива! Крапива — не крапива!

Ландыш закутался плотнее в свои широкие листья и равнодушно сказал:

— Я не слышал и не хочу слышать ни о какой Крапиве!

Когда на другой год Стрекоза прилетела на поляну, её встретила Крапива и благодушно спросила:

— Ты ко мне?

Червячок — чудачок

Однажды пошли девчонки в лес по грибы. Вместе с ними отправилась в лес и девочка Люба.

Зашли девчонки в лес и сразу же разбрелись кто куда. Грибы их за собой потянули. Только лисички под кустиком покажутся, глядь, под пеньком боровик шапкой машет. И все грибы кричат:

— Сюда, ко мне! Сюда, ко мне!

А под землёй червячок трудился. Люди его дождевым червяком зовут, потому что он любит дождик. Как пойдёт дождик, червячок сразу же из-под земли вылезает и купается в дождинках. А если услышите от вороны, что червячок боится захлебнуться в воде под землёй, то этому не верьте. У вороны язык что помело. Как слово на язык, так его в разные стороны и повело.

Работал червячок, работал и остановился. Грибы так вертелись, так кричали, что и терпенья никакого. «Что бы это могло значить? — подумал червячок. — Что это грибы так раскричались? Надо узнать!» Просверлил он дырку возле гриба и высунул красный блестящий нос наружу.

И тут же услышал отчаянный крик Любы:

— Ой, какой противный червяк!

— Почему это я противный? — обиделся червячок. — Я самый обыкновенный червячок и работать к тому же умею!

— Противный и всё! — всхлипнула Люба, — испугал меня, не дал гриб сорвать.

Обиделся червячок на Любу, а тут ещё приятель за хвост тянет и бубнит:

— Ту чего? Ты чего нос наружу высунул? Дождик идёт?

— Не дождик, а девчонка-грибница меня противным обозвала, — сердито ответил червячок. — Я вот возьму и докажу ей, что я хороший червячок! Я умею работать!

— Ничего ты девчонке не докажешь! — возразил приятель. — Знаю я этих девчонок! Будь ты самым расхорошим, а всё равно они при виде тебя будут визжать. Вот мальчишки другое дело. Этим не то что червяк, а сам ужище болотный нипочём!

А я докажу, — упрямо твердил червячок, — докажу, что я и в самом деле хороший!

— Ну и червячок-чудачок! — вздохнул приятель. Отпустил хвост червячка и отправился по своим делам.

А червячок-чудачок просверлил дырку под самым лукошком, которое Люба выронила, когда увидела червячка, пролез на дно лукошка и спрятался под грибами. Почему червячок-чудачок так сделал? А вот почему. Червячок-чудачок хоть и под землёй работал, а всё знал. Земля ведь слухом полнится. Слышал он и том, что Люба хотела посадить цветы около крыльца, а не смогла. Земля была так утоптана, что Любина лопатка поломалась. И захотелось червячку-чудачку Любе, что там где её лопатка ломается он, червячок-чудачок сумеет докопаться до дела.

Люба, когда червячок исчез, подхватила лукошко и скорее к подружкам — рассказать, как ей повстречался противный червячок, из-за которого она не смогла сорвать самый большой гриб в лесу. У неё даже слёзы на глазах появились, когда она рассказала о чуде-грибе и о противном червяке.

Подруги ахали, а червячок-чудачок приговаривал на дне лукошка:

— Ну, погоди! Ну, погоди, врунья, девчонка! Ты не так у меня заговоришь!

И правда, заговорила! Пришла Люба домой, решила грибы перебрать на гладкой площадке около крыльца, разложить их и узнать, каких грибов она больше набрала. Лисичек или боровиков? Высыпала грибы из лукошка, да тут же его бросила, отскочила и заплакала. На самом верху, на грибах вертелся червячок-чудачок!

— Ой-ой, мама! — закричала Люба, — противный червяк мои грибы съел!

— Беда! — прошептал червячок-чудачок. — Надо удирать поскорее!

Он свернулся в колечко, спрыгнул с грибов и так быстро стал вертеть ход под землю, что когда на крыльцо вышла Любина мама, ни на грибах, ни под грибами не оказалось никакого червяка.

И всё-то выдумываешь ты, трусишка, — рассердилась мама на Любу. — Собирай свои грибы и марш обедать!

Люба промолчала, но она-то хорошо знала, что червячок был. Одного не знала, куда он мог деваться. Земля была такая твёрдая, что не только лопаткой, но и топором едва ли разрубишь!

А червячок-чудачок отдышался и без долгих размышлений за работу принялся. Такие ходы-выходы понаделал, так здорово землю размежевал, что семена цветов,

которые валялись на площадке все под землю забрались. А как забрались, стали корешки выпускать, стебельки выбрасывать.

Утром проснулась Люба, вышла на крыльцо умываться и ахнула. Около крыльца горели, переливались красные, жёлтые, голубые, зелёные, белые цветы.

— Мама, цветы! — закричала Люба.

— Какие ещё цветы? — удивилась Любина мама. — Во сне ты их, что ли, видишь?

А когда вышла на крыльцо, улыбнулась и сказала:

— Так вот он где, твой червячок-чудачок! В землю уполз, землю разрыхлил, семена в землю опустил. Молодец червячок-чудачок!

Тут из-под земли высунул свой красный нос червячок-чудачок и ответил:

— До молодца-то мне далеко, а всё же и я кое-чего стою.

Люба смотрела на червячка-чудачка во все глаза и говорила-приговаривала:

— Хороший червячок! Умный червячок!

— То-то же! — довольно сказал червячок-чудачок и нырнул под землю.

Люба подумала, что червячок так и не простил её. А на самом деле он увидел за забором мальчишку-рыболова. А уж чем с мальчишкой-рыболовом встречаться, лучше в земле покопаться.

Грибы и барсук

Набрел осенью барсук на грибную полянку, обрадовался:

— Будет по весне на первых порах чем перекусить!

И на лежанку, и до весны. А весной проснулся и сразу же на грибную полянку. Оголодал, голова кругом.

Вылетел барсук на полянку, а на ней ни одного даже заваливающего грибка. — Ну вот, — вспыхнул барсук, — у нас и оставить ничего нельзя!

Вишня

У вишни заболела ветка. Она стала черной и ядовитой. Веселая яблоня, серьезный торн, скромный крыжовник, солидная груша и даже легкомысленная красная смородина в один голос сказали вишне:

— Оборви гнилую ветку, а то она погубит все другие.

Вишня возразила:

— Вам легко говорить «Оборви» — она не ваша, а моя. Нет уж, как-нибудь обойдусь!

— Но она же тебе только мешает! — вступила в разговор солидная груша.

— Что вы ко мне пристаёте, вам какое дело до моей ветки? — обиделась вишня. — Занимайтесь собой, а меня не трогайте!

Все почувствовали себя неловко, а крыжовник, который отгородился от всех колючками, сказал:

— Я вам сколько раз говорил — не вмешивайтесь не в свое дело!

А между тем он ничего подобного ни разу не говорил. Выжидал, как дело обернется.

У вишни со дня на день стали сохнуть ветки одна за одной. Все молчали и смотрели, как вишня чахнет. Но никто не осмелился оборвать гнилую ветку. Вскоре вишня совсем зачахла и стала черной.

Веселая яблоня, серьезный торн, скромный крыжовник, солидная груша и даже легкомысленная красная смородина в один голос сказали:

— Жаль, что среди нас не нашлось ни одного смельчака!

И укоризненно посмотрели друг на друга.

Как чижик иву плакать заставил

Ива росла на высоком берегу речки и ни одного дерева к ней не подпускала. Она раскинула во все стороны острые листки и шумела:

— Кто вздумает подойти к речке — пожалеет! Обрежу враз все сучки!

Веселый чижик летал к речке попить. Не понравилось ему, что ива никого к речке не пускает, надумал её наказать.

Подлетел чижик к иве, спрашивает:

— А ты правда сильная?

Ива расшумелась, ещё больше растопырила листки:

— Сильнее меня никого на свете нет!

— Ты и правда сильнее всех?

Расшумелась ива:

— Сильнее!

Чижик спрашивает:

— Сильнее всех?

Ива шумит:

— Сильнее!

Чижик прищурил один глаз и говорит:

— Ну, раз ты самая сильная, попробуй разрубить воду в речке.

Спустилась ива к самой речке, размахнулась листками-ножами и ну резать воду. Но сколько она ни старалась, а разрубить речку никак не смогла. Устала, опустила ветки, с досады заплакала.

Так с тех пор стоит ива у воды и плачет.

Иван-да-Марья

Шли Иван-да-Марья. Дошли до развилки дорог. Иван говорит:

— Повернем налево.

Марья говорит:

— Повернем направо.

Иван говорит:

— Повернем налево.

Марья говорит:

— Повернем направо.

Стоят Иван-да-Марья на развилке дорог. Иван — в синей рубахе, а Марья — в желтом платочке. Стоят и потихоньку говорят:

- Повернем налево.
- Повернем направо.

Говорят так, а друг от друга — никуда. И все потому, что у Ивана-да-Марьи один стебель на двоих.

Виновного узнает солнце

Однажды Зайчиха вместе с Зайчонок поселились под Подсолнухом. Подсолнуху понравился веселый Зайчонок, и он укрывал его своей золотой шляпой от горячих лучей солнца и от холодного дождя.

Как-то Зайчиха ушла поискать для Зайчонка сладкой морковки, а Зайчонок лег под Подсолнух и задремал. В это время пролетала мимо Сова и схватила Зайчонка.

Зайчиха видела издали Сову и поспешила к Подсолнуху.

Подсолнух, как обычно, кивал своей золотой шляпой, а Зайчонка нигде не было. Сова делала вид, что спит.

Зайчиха спросила про Зайчонка у Подсолнуха, но он молчал. Он не умел говорить.

Зайчиха не знала, как быть, кого в пропаже Зайчонка обвинить.

Пошла она к Орлу, рассказала о своей беде. Орел прилетел к Подсолнуху, посмотрел на него и на Сову и сказал:

— Кто из Вас виноват, а кто нет, я не знаю и узнать не могу. Поэтому пусть виновного узнает солнце. Кто дольше ему, справедливому, посмотрит в глаза, тот не виноват.

Когда солнце начало всходить, Сова и Подсолнух начали смотреть на него.

Сова все шире и шире раскрывала глаза, а солнце становилось все ярче и ярче. Скоро Сова ослепла и стала сидеть неподвижно. Она боялась себя выдать. А солнце продолжало свой путь, и Подсолнух поворачивался вслед за ним. Он-то видел солнце.

Сова сидела-сидела и надумала лететь ночью, чтобы никто и никогда не узнал о её слепоте. А подсолнух с той поры каждое утро встречает солнце и провожает своим взглядом, чтобы знали о его честности. Ведь он говорить не умеет.

Умница-разумница

Однажды хороводилась, мыкалась Лиса с мышами, наткнулась на пенек, присела с устатку, заглянула в сумку, вздохнула: «Опять одна постытина! И что же это получается? И умница я, и разумница я, а на завтрак — мыши, на обед — мыши, на ужин — мыши! А Петух горшени*, этот горлодер неумный, все так и будет таскать по плетню свою пустую башку? И выходит, я, умница, я, разумница, никогда и не попробую каши с петушатиной или, к примеру, щей с петушатиной? Нет-нет. Вставай, Лисонька, иди, моя умница, иди, моя разумница, прямо во двор горшени и забирай Петуха! Ты слышала скрип телеги по лесной дороге? Слышала? Что он тебе сказал? А сказал он тебе, что горшеня с горшками уехал на базар! Дочка его дома

осталась? Так тебе, моя умница, моя разумница, девка-простофиля не помеха! Ну, вытряхивай из сумки дрянь-мышей — и вперед, за петушатиной!»

Лиса вытряхнула мышей вон из сумки да напрямик через ельничек на дорогу. Вышагивает Лиса по дороге и все нос по ветру. Петух так накрепко засел в голову, петушиный запах за версту мерещится. И вдруг глядь — у дороги горшок-гладкий бок стоит. «Батюшки! — всполошилась Лиса. — Уж не из горшка ли тянет петушатиной?»

Скакнула Лиса к горшку и только было собралась заглянуть, как увидела около горшка Зайца, Волка и Медведя. Сидят, не шелохнутся, уставились на горшок. Зайцу виделась пареная морковь, Волку — жареная баранина, Медведю — топленый мед. А как при посторонних первому в горшок лезть?

«Сидят! — поморщилась Лиса. — Вечно около моего горшка избыток. Ну, да я же умница да к тому же разумница!»

— Прохлаждаетесь у пустого горшка? — набросилась она на приятелей. — А я к петуху бегай да новости узнавай? Ну, лодыри! Ни стыда, ни совести. С голоду готовы у пустого горшка пропасть! И это тогда, когда на огороде горшени куча моркови, в погребе у горшени крюки гнутся от бараньих туш, а продох не закрыт, на пасеке у горшени бочонок свежего меда. Ну-ну!

Последние слова Лиса сказала уже горшку. Осталась она с ним один на один. А как раз, то и нос в горшок. Да носом о пустое дно.

«Говорила же — пустой!» — обозлилась Лиса и голову бы назад, а горшок не отпускает. Лиса так дерг головой, эдак дерг, грозит вдребезги разбить горшок, а ничего не выходит. Притомилась, поостыла, вспомнила, что она не только умница, а еще и разумница, и горшку:

— Ну, горшок, показал свою хватку, и ладно. Не век же нам в обнимку ходить!

А сама так и скачет, так и прыгает, так и мотает головой. На одном прыжке не удержалась да о дуб — бац! Горшок пополам, лиса кувырком. Очнулась, да хвост трубой, да по дороге, вопит:

— Я тебе покажу, дрянь-петух! Ты у меня узнаешь! Смотри ты, подсунул пустой горшок! Думал, так я и попадусь! Не на такую напал!

Во двор горшени влетела, на Петуха налетела, за крыло схватила, к воротам потащила. Упирается Петух, свободным крылом по глазам бьет. Да тут еще и дочка горшени орет:

— Глядите, Лиса Петуха украла!

А Петух Лисе:

— Чего молчишь, дуреха? Скажи девушке: «А тебе какое дело?»

Лиса обиделась на дуреху, сама вроде бы хотела отчитать девку горшени, да как твякнет:

— А тебе какое дело, дурак?

Петух на плетень, Лиса с размаху в плетень, дочка горшени Лису за хвост. Петух орет, Лиса орет, дочка горшени орет. Зайца с огорода будто ветром сдуло, Волк с перепугу еле из продоху без полушубка выскочил, Медведь шубу скинул, налегке в лес заломился.

Лиса на хвост обозлилась, оставила его дочке горшени, сломя голову на дорогу выскочила, только пыль столбом. Отбежала порядком, Волка издали заметила,

отряхнулась, сумку поправила, потихоньку пошла. Не видать Волку, чтобы умница да разумница от какой-то дочки горшени бегала. А дружки хороши, нечего сказать. Она к ним с добром, а они от нее бегом. Ладно, она сама умница да еще разумница.

А Волк издали окликивает:

— Эй, кума! Да ты, я вижу, так на новоселье мухи торопилась, хвост дома забыла.

— А нынче жарко, — вывернулась Лиса, — чего хвост по жару таскать?

Подходит, а около дуба дым коромыслом. Муха в разбитом горшке терем оборудовала, новоселье справляет. А драный Волк гостей потешает — на балалайке тренькает, словами брякает:

Тары-бары, растабары,

Закипали самовары.

Таракан дрова рубил,

Чижик по воду ходил,

Косолапый медведь

С щуки шкуру содрал,

Полсапожки себе сшил,

Без тулупа щеголял,

Лиса лыко драла,

Себе лапти плела!

Не показалась Лисе песенка, к пеньку подалась, радуется: «Умница я, разумница я, на приметном месте мышей сложила». Приплелась к пню, а там не то что мышей, а и заваливающего мышинового хвоста не осталась.

Искали кони луг

Два коня — чёрный и белый — встретились однажды на перекрёстке двух дорог и пошли вместе искать луг. Их мочили дожди, засыпал снег, слепил песок. Но они помогали друг другу и выбирались из беды. Долго они так шли и наконец набрали на прекрасный луг. Трава на лугу была густая, сочная и сладкая. Белый конь подумал: «Нам хорошо будет на этом лугу жить. Травы вдоволь».

Чёрный конь вздохнул: «Травы на лугу как будто бы и много, но хватит ли её на двоих? Пусть белый конь идёт дальше, а я останусь здесь». И он сказал:

— Мы долго шли вдвоём и много извели бед, но травы нам на этом лугу не хватит. В пути я тебе помогал больше и сильнее устал. Поэтому ты иди дальше, а я останусь. Это будет справедливо.

— Нам обоим хватит травы, — возразил белый конь, — напрасно ты меня гонишь!

Чёрный конь гордо вскинул голову:

— Я сильнее тебя. Хватит травы или не хватит, мне лучше знать! Убирайся!

Белый конь покачал головой:

— Нет, по-твоему не будет. Раз ты хочешь один владеть лугом, то заслужи сначала, Давай мы побегим вокруг земли. Если ты меня перегонишь, то владей лугом. Если нет, то мы оба останемся здесь.

Чёрный конь снисходительно согласился бежать. Он надеялся быстро перегнать коня.

Как только встало солнце, белый конь побежал. Чёрный смотрел ему вслед и думал: «Он бежит слишком медленно. Я всегда сумею его догнать. Сначала я поем, наберусь сил, а как только солнце начнёт садиться, побегу по холодку».

Так он и сделал. Но как ни старался, а не только перегнать, а даже и догнать белого коня ему не удалось.

Так и бегут кони. Белый впереди, чёрный — за ним.

Люди и сейчас любят на скакунов и даже дали им имена. Белого они зовут Днём, чёрного — Ночью.

Совушка — умная головушка

Как-то пошёл Федотка в лес. Идёт, высматривает в кого бы камнем из рогатки запустить. И вдруг видит: на суку дуба Сова сидит. Федотка прицелился и слышит:

— Погоди, подумай!

Посмотрел Федотка кругом — никого нет. Опять прицелился и слышит:

— Погоди, подумай!

Уставился Федотка на Сову. Гадает — она или не она его предупреждает. Сова повела глазами, говорит:

— Ну, чего уставился? Убирайся из леса со своей рогаткой!

— Так я тебя и послушался, — захихикал Федотка. — Ишь ты, Сова — дрянная голова!

Он прицелился, а Сова тяжело поднялась и полетела прочь. Да то о дерево стукнется, то за куст зацепится. Плохо она видит днём. Запустил в неё Федотка камень, да, к счастью, он около совы пролетел, её не задел. Улетела Сова.

Подосадовал Федотка, да делать нечего.

«Ладно, — думает, — в другой раз я получше прицелюсь!»

А осенью отец Федотки пожаловался:

— Потаскали суслики зерно. И куда запропастилась наша Совушка-бедовая головушка?

И мать отцу говорит:

— У нас на огороде беда: зайцы всю капусту ободрали. И куда только девалась наша Совушка-буйная головушка?

Федотка слушает отца с матерью — и никакого внимания. Ему-то какое дело до зерна и капусты? Хлеб да щи к нему из печки попадают.

А мать полезла в погреб и сразу же вернулась в слезах:

— Погрызли мыши все наши зимние припасы! Остались мы без всего. Федотке теперь не видать ни хлеба белого, ни щей густых, ни каши пшенной.

— А сыр остался? — шмыгнул носом Федотка. Сыр он так любил, что готов был и без щей остаться.

— Какой там сыр! — вздохнула мать. — Мыши его в первую очередь сгрызли.

Обиделся Федотка на мышей. Ещё бы! Из-за них голодный забрался на печку спать. Лежит, ворочается, сон никак не идёт, так подвело живот. Ворочался-ворочался Федотка и неожиданно вспомнил, как Сова ему сказала: «Погоди, подумай».

— Вот и думай, — вздохнул Федотка. — И где теперь искать эту самую Совушку-умную головушку?

Наутро Федотка собрался в лес. Хотел было рогатку взять, да раздумал. А что если он найдёт Совушку, а она увидит рогатку и ещё дальше улетит?

Долго плутал Федотка по лесу. Первый день с тропинки на тропинку переходил, второй день по полянкам кружил, третий день по чащобам бродил, а нигде Совушки нет и нет. Вот уж и последнее дерево, вот уж и последний куст, вот уж и последняя полянка. Выбрался Федотка на полянку и увидел избушку на заячьей лапке, а около избушки старая старушка стоит. Голова старушки повязана пёстрым платком, на старушке пёстрое платье. Глаза у старушки большие-пребольшие, зелёным огнём горят.

Увидела старушка Федотку и запричитала:

— Ух ты, ух ты! Федотка-рогаточник! Знаю я, зачем ты пришёл! Ух ты, злой мальчишка! Не видать тебе Со́вы, не видать тебе хлеба, щей и сыру!

— А я, ба-бабушка, без ро-ро-гатки! — прошептал Федотка. — Вот честное слова! Боялся, что Совушка-умная головушка испугается и насовсем из нашего леса улетит.

— Ух ты, говоришь — Совушка-умная гооловушка? — недоверчиво спросила старушка.

— Честное-расчестное слова! — торопливо сказал Федотка.

На этот раз старушка сказала:

— Ладно, зайди, Федотка, в мою избушку. Я тебя щами накормлю, берёзовым соком напою.

Федотка в избушку — три дня не ел, три дня не пил! Старушка усадила его за дубовый стол, достала из печки щи и кашу, а рядом положила самые замечательные, большие и маленькие, расписные и золотые рогатки. Федотка на рогатки и не смотрит, щи к себе тянет. Улыбнулась старушка, накормила Федотку досыта. Потом берёзовым соком напоила, сыру кусок подарила.

Наелся Федотка, напился, глаза слипаются. Старушка его на печку уложила, пёстрым пуховым платком прикрыла и потихоньку сказала:

— Значит, Совушка — умная головушка? Это ты, Федотка правильно говоришь.

Утром просыпается Федотка — на своей печке лежит, пуховым пёстрым платком укрыт. Такого и нет у матери. Присмотрелся Федотка к узорам и ахнул. Точь-в-точь такие узоры на перьях Совушки — умной головушки!

«Да ведь старушка вовсе и не старушка, а Совушка!» — подумал Федотка, и тут же платок исчез.

В это время вошёл со двора отец и спрашивает мать:

— Ты ночью ничего не слышала?

— Слышала, — отвечает мать, — Совушка — умная головушка ухнула под самым окном.

— Вот-вот, — засмеялся отец, — и я слышал, как Совушка кричит, да подумал: не показалось ли? Значит, прилетела на свой заветный дуб наша соседushка. Погуляла, по дому соскучилась.

А Федотка ухмыльнулся: «Если бы не я, не прилетела бы домой Совушка — умная головушка».

Он почему-то совсем забыл о том, из-за кого Совушка улетела. Ну да ладно, раз он накрепко забыл о рогатке.

Шёл Козёл на луг

Проснулся молодой Козёл, есть захотел и отправился на луг по собственной тропинке. По пути ему надо было перейти ручей. Подошёл Козёл к ручью, глядь — ручей речкой стал: бобёр плотину ниже тропинки построил.

Козёл сунулся в воду, а нету броду. Заемекал:

— Как же это так? Бобёр плотину строит, а я, значит, без обеда оставайся?

Подскочил он к плотине и рогами её, рогами.

Плотина развалилась, вода ушла, и Козёл, потряхивая бородой, важно перешёл ручей.

Вернулся Бобёр из леса, покачал головой, подумал: «Здесь Козлу плотина помешала. Ну что ж, построю её выше тропинки».

А Козёл. Как следует подзакусил на лугу, пить захотел, отправился к ручью, думает: «Не как раньше, вдоволь напьюсь».

Пошёл, глядь — воды нет.

Козёл заемекал:

— Как же это так? Бобёр плотину строит, а я, значит, без обеда оставайся?

Подскочил он к плотине и рогами её, рогами.

А потом около собственной тропинки напился и отправился домой. Пришёл, потряхнул бородой, пожаловался гусям и уткам, индюкам и курам:

— Подумайте, что за дрянь эта плотина — с одной стороны не перейдёшь, а с другой — не попьёшь!

Гуси и утки переглянулись, подумали о том, что ниже плотины и правда не поплывёшь, в один голос проскрипели:

— Верно говорит Козёл! Без воды как же нам?

Индюки и куры переглянулись, подумали о том, что выше плотины и правда не перейдёшь, и в один голос пробурчали, прокудахтали:

— Верно говорит Козёл! Без брода как же нам?

Бобёр услышал разговор, понял, что плотину на ручье и строит нечего, и ушёл в дальний лес.

Летом ручей пересох.

Что после этого сказали молодому Козлу гуси и утки, индюки и куры, неизвестно, но борода у Козла почему-то поредела.

Заяц Гришка и капуста

Бегал заяц Гришка по роще, бегал, устал, прибежал к своему дому. Смотрит — что такое? Около крыльца капусты навалено ни пройти, ни перескочить. «Ишь ты! — обозлился заяц Гришка. — Этот Тришка растерял свою капусту и воображает, что я её буду убирать! Как бы не так!» И давай капусту раскатывать — то в овраг, то в болото, то в речку.

Управился, хихикнул: «Вот так-то!» И к дому зайца Тришки — на слезы его посмотреть, когда узнает, что капусты как не бывало!

А заяц Тришка и слова не дал сказать зайцу Гришке, обрадовался:

— А я тебя искал! Урожай у меня нынче богатый, половину капусты тебе удружил. Сбежал бы домой, убрал.

У зайца Гришки и уши обвисли. Одно только и сказал:

— Уже убрал...